

УЛЬРИКЕ ШВАЙКЕРТ

СВЯТОЙ
И
ГРЕШНИЦА

Когда страсть сильнее долга

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Ульрике Швайкерт
Святой и грешница

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2008

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

Швайкерт У.

Святой и грешница / У. Швайкерт — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2008

Германия, 1430 год. Юная Элизабет очнулась в борделе – без одежды и без воспоминаний. О неведомом прошлом ей напоминает только драгоценный медальон, а еще – голос прекрасного рыцаря, приходящего к ней во снах. Но теперь Элизабет – продажная женщина, которой не место в порядочном обществе... Однажды она попадает во дворец епископа. И узнает в молодом священнике рыцаря из снов! Кто он? И кто на самом деле она?

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

© Швайкерт У., 2008
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ульрике Швайкерт Святой и грешница

Ulrike Schweikert
Die Dirne und der Bischof

© Blanvalet Verlag, 2008

© DepositPhotos.com / iofoto, обложка, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2015

* * *

*Моей подруге Зибилле Шредтер и моему любимому мужчине
Петеру Шпреману*

Пролог

Туман расползлся над Майном и окутывал крепость Мариенберг, которая только и возвышалась над его вихревыми волнами и наблюдала из темных окон за просторными владениями епископа Иоганна II фон Брунна. Казалось, что и река, и широкая дуга каменного моста исчезли, у подножия горы не видно было и предместья с его тремя монастырями и колокольнями.

Двое мужчин, споря, тащили тяжелый мешок вверх по береговому склону между незаметными в тумане поленницами дров к воротам в городской стене. Обычно в это время они были закрыты, но под мощным ударом плеча со скрипом растворились.

– Что ты собираешься делать? – прошептал мужчина пониже и, скривившись, взвалил мешок себе на плечи. – Что мы здесь ищем?

– Укромное место для нашей ноши. Ты забыл? – проворчал второй.

– Как такое забудешь? – фыркнул первый и поправил мешок. – Но почему мы не выбросили ее в Майн? Разве это не подходящее место для нее?

Высокий мужчина, сплюнув на землю, подался вперед по переулку предместья. Он старался идти тихо и осторожно, чтобы вовремя заметить приближение совершавшей обход стражи.

– Возможно, это и подходящее место, но не то, которое он имел в виду. Он сказал, что она должна исчезнуть – исчезнуть навсегда. И дал абсолютно точные указания по поводу того, как это должно произойти!

Коротышка старался не отставать и не спотыкаться в темноте.

– Ты хочешь закопать ее? – спросил он с насмешкой и был очень удивлен, когда его напарник кивнул.

– Да, мертвым место под землей.

– Ты хочешь зарыть ее на кладбище? – недоверчиво переспросил низкорослый и посмотрел на возвышающуюся перед ними колокольню церкви Святой Гертруды, но в ответ ничего не услышал.

Они шли вдоль кладбища, не останавливаясь. Дома, чередующиеся с садами, становились все беднее. Справа от них можно было разглядеть ров реки Кюрнах, а за ним городскую стену, отделяющую предместье Плайхах от старого центра города. И в этот момент низкорослого осенило.

– Ты собираешься закопать ее среди евреев! Таков был приказ? – прошипел мужчина сквозь зубы. – Должно быть, он ее ненавидел. Иначе милостиво позволил бы похоронить среди виноградников!

Второй кивнул и велел опустить мешок на землю.

– Нам следовало бы ее сначала раздеть. К чему рисковать!

Он снял кинжал с пояса, разрезал мешок и начал грубо срывать одежду. Напарник, ворча, помогал ему:

– Ты испортишь платье, и мы не сможем его продать.

– Продать? Идиот! Ты хочешь вырыть себе могилу? Мы сожжем его!

Прежде чем он услышал возражения в ответ, раздался шум. От церкви приближался свет и доносился звук шагов. Долговязый непристойно выругался и быстренько столкнул обнаженное женское тело вниз по склону, прямо в мутную воду реки Кюрнах. Ни секунды не колеблясь, он схватил одежду и мешок и, пригнувшись, помчался прочь через старое еврейское кладбище. Его напарник последовал за ним. Они добежали до квартала Хаугер и, тяжело дыша, упали в густые заросли в одном из садов. Некоторое время подельники

настороженно прислушивались, однако не услышали ничего, что отличалось бы от обычных звуков ночи.

Низкорослый первым решил нарушить тишину:

– Думаю, стражники не заметили нас.

– Надеюсь, что так оно и есть, – ответил второй и выругался.

– Что будем делать? – неуверенно спросил его напарник, немного помолчав. Куст крапивы обжигал его голые икры.

– Как что? Вернемся и отчитаемся о выполнении поручения. А получив деньги, постараемся как можно дольше не приближаться к Вюрцбургу.

– Мы не похороним ее на еврейском кладбище? – уточнил коротышка и отодвинулся от крапивы.

– Разве ты не видел, что я сбросил ее в Кюрнах? Неужели ты думаешь, что я буду на ощупь искать труп в тине, пока меня не схватит стража и не бросит в одну из башен? Нет! Тело сгниет в тине. Даже если его найдут, к тому времени мы будем далеко отсюда. Мы сделали свое дело и заслужили вознаграждение.

– То есть ты не собираешься рассказать о нашем... э-э-э... промахе?

– Ты считаешь меня придурком? – прошипел долговязый. – Я жив и, как и ты, хотел бы еще какое-то время наслаждаться этим! Так и будет, если мы не поведем себя как идиоты.

– Да поможет нам святой Килиан! – вздохнул низкорослый и перекрестился.

Его напарник ухмыльнулся:

– С каких пор святой Килиан стал покровителем бездельников и убийц?

– Я не убийца! – возразил низкорослый. – И ты тоже.

– Нет, не убийца, – согласился долговязый, когда они выходили из города через неохраняемые ворота. – Иной раз это можно поручить и приличным людям.

Коротышка еще раз обернулся в сторону старого еврейского кладбища, перекрестился и прошептал:

– Река Кюрнах поглотила ее. Пусть Господь будет милостив к ее душе.

Но он дважды ошибался. Во-первых, река Кюрнах не поглотила ее тело. Оно зацепилось за одну из многочисленных речных плотин, которые позволяют держать ров вокруг города заполненным водой. Женское тело с нежной белой кожей наполовину виднелось из воды. Мутная вода скрывала только ноги и одну руку. Во-вторых, женщина не была мертва. Душа еще не покинула ее, хотя уже несколько часов витала в кромешной тьме.

Подельники ошибались еще в одном: отнюдь не стражники спугнули их, помешав выполнить поручение.

Глава 1

– Вильгельм, ну что опять? – пошатываясь, спросил мужчина заплетающимся языком и снова поправил съехавшую на лоб шляпу.

– Я должен отлить, – ответил его собутыльник, направляясь ко рву. Он был так же пьян, как и его друг, держащий в руках сосновую лучину.

– Тебе нужно сделать это именно здесь? Ты можешь отлить и за притоном. Я хочу, наконец, выпивку и бабу!

– Во-первых, ты достаточно выпил. Я, кстати, тоже, – усмехнулся Вильгельм и громко отрыгнул. – Во-вторых, у тебя не встанет, и, в-третьих, мне нужно отлить, иначе в меня уже ничего не влезет! – Он начал возиться с ширинкой. – Роберт, иди сюда и посвети мне!

– Слушаюсь, мой командир, – засмеялся Роберт и подошел, шатаясь.

Вильгельм опустил камзол, забыв о давлении на мочевой пузырь. Его голос казался почти трезвым.

– Посвети-ка туда. Что это?

Роберт послушно сделал несколько шагов. Свет лучины скользнул по земле и осветил высокие сорняки и заросли кустарника. Вильгельм велел товарищу остановиться и осмотрел примятую траву, которая уже начала подниматься. Его взгляд устремился к воде, где светлело что-то большое. Не отводя глаз, он медленно двинулся вперед и постепенно разглядел живот, упругую грудь и руку, заброшенную за голову с длинными белокурыми волосами.

– Баба, – пробормотал Роберт, уставившись на тело. – Молодая баба.

Вильгельм подошел еще немного ближе.

– И, кажется, мертвая молодая баба.

– Живые они нравятся мне больше, – попятился Роберт. – Пойдем! В борделе тепло и весело, и нам дадут выпить.

Но Вильгельм не слушал друга, он спустился ниже, пока его обувь не коснулась мутной воды. Он присел и, откинув указательным пальцем белокурые локоны, произнес:

– Красивая мертвая молодая баба.

– Ничего не поделаешь, – ответил его друг. – Пойдем уже!

Вильгельм, проигнорировав такую настойчивость, пробормотал:

– Странно, почему она здесь лежит?

Роберт вздохнул и тоже спустился.

– Наверное, потому что она умерла здесь. Почему же еще! А теперь оставь ее. Возможно, это была чума! Не прикасайся к ней, ради бога.

– А где ее одежда? – заинтересовался Вильгельм.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Роберт и осмотрелся. – В любом случае здесь ничего нет. Может быть, она раньше ее сняла или кто-то другой это сделал и забрал одежду с собой.

– Точно! – воскликнул Вильгельм. – Вряд ли она сама разделась и осталась здесь умирать!

На лице Роберта появилось недоумение.

– Значит, это дело для старосты или совета. Нас это определенно не касается. – Он начал взбираться по склону. – Ну, а теперь пойдем! Я почти протрезвел, потому что ты докучаешь мне мертвецами. За это с тебя одна шлюха и один кубок вина. – Он повернулся и обезоруживающе ухмыльнулся. – У меня не осталось ни монеты, чтобы расплатиться, а ты мой друг и не сможешь допустить, чтобы я терпел нужду, пока ты предаешься радостям.

– Ну ты и подлец, Роберт, коварный подлец!

Вильгельм поднялся и, вздохнув, посмотрел на свою грязную обувь. Его друг расхохотался.

– Ты не сможешь мне отказать!

– Наверное, так и следовало бы сделать... – Вильгельм остановился посреди предложения и, упираясь ладонями в бедра, наклонился вперед.

– Что это? Подойди ближе, мне нужен свет!

Роберт отчаянно замотал головой.

– Нет, нет, нет! Мне не нравятся мертвецы.

– Но там, в воде, что-то есть. Оно блестит как золото!

В мгновение ока Роберт очутился возле него и наклонился вперед, освещая лучиной воду.

– Где? Я ничего не вижу.

Вильгельм зачавкал подошвами по илу.

– Вон там, немного дальше, левее!

– Теперь и я вижу! – вскрикнул от радости Роберт.

Намочив штаны и обувь, он прошлепал пару шагов по воде и выловил золотую цепочку, на конце которой висел плоский овальный медальон. Каплеобразный рубин, обрамленный мелким жемчугом, сверкал в свете факела. Роберт присвистнул и торжественно вытянулся, расправив камзол на груди.

– Сегодня все-таки мой счастливый день! Мой друг, я дарю тебе столько шлюх, сколько ты сможешь оприходовать.

Вильгельм язвительно ухмыльнулся.

– Старая мадам может предложить всего шесть девок.

– Хочешь сказать, что справишься со всеми? – фыркнул Роберт. – Сегодня ночью? В твоём состоянии?

– Что значит – в моем состоянии? Я уже абсолютно трезв и полон сил, – возмутился его друг.

Роберт рассмеялся и взял его под руку.

– Тогда я хочу это видеть!

Они позабыли о теле на берегу. Однако не успели сделать и пару шагов, как легкий вздох и движение, которое Вильгельм уловил краем глаза, заставили его остановиться.

– Это ты вздохнул?

Роберт покачал головой.

– Нет. Хотя, возможно, и я, в предвкушении радости от грудей, которые скоро будут у меня в руках?

– Чушь! – Вильгельм нерешительно повернулся и уставился на белое женское тело, тихо и неподвижно лежащее в воде. Ему показалось. Конечно же, ему показалось! Мертвецы не вздыхают и не двигаются. Он почувствовал облегчение, но не успел отвернуться, как тело снова вздрогнуло, образовав на воде медленно расходящиеся круги волн. Роберт тоже увидел движение.

– Думаешь, она еще жива?

Вильгельм нерешительно наклонился и положил свою ладонь на шею женщине. Кожа под пальцами была холодной, но он отчетливо ощущал биение внутри. Ее губы дрогнули, и раздался вздох.

– Да, она жива! – сообщил Вильгельм.

– Что нам теперь с ней делать? – спросил Роберт. – Я в полной растерянности, потому что не слишком часто нахожу голых баб в городских канавах.

Вильгельм прикусил губу.

– Наверное, было бы правильно привести старосту или хотя бы стражников.

Роберт, видя, как исчезают радости ночи, глубоко вздохнул.

– Прощай, веселый бордель, – посетовал он. – Ты думаешь, это одна из девок старой мадам? Это бы все объяснило. Она вышла с клиентом и упала в обморок, а он испугался, так как решил, что девка умерла. Клиент оставил ее здесь, а сам удрал. – Он засиял. – Ну, как, я решил загадку?

Вильгельм покачал головой.

– Может быть, все было именно так. Нам нужно отнести ее обратно. Мадам сама разберется, что с ней делать. – Вильгельм взял ее за запястья. – Давай помогай!

Радуюсь тому, что они все же идут в бордель, Роберт подхватил девушку за ноги и помог отнести ее вверх по склону. Предмесье лежало во тьме, но из дома перед городской стеной, отграничивающей еврейское кладбище, сквозь пергаментные окна пробивался тусклый свет. Мужчины потащили девушку в бордель. Дважды они споткнулись, один раз тело выскользнуло у них из рук и упало на траву, но девушка так и не пришла в себя. Из ее уст не вырвался даже стон. Она казалась больше мертвой, чем живой.

Слова приветствия застряли у мадам в горле, когда ее взгляд упал на безжизненное обнаженное тело, которое внесли два молодых человека. Они осмотрелись и положили его на стол, справа от двери. Глиняная кружка, упав, разбилась. Четыре полуголые девушки, сидевшие за другим столом с двумя клиентами, замолчали и уставились на них. Слышны были только звуки двух пар, однозначно занимающихся за ширмой делом, ради которого мадам и давала работу своим девочкам.

– Что вы мне принесли? – тихо спросила хозяйка и нерешительно подошла ближе. Она убрала девушке волосы с лица. – Что вы с ней сделали?

– Мы? – возмутился Роберт. – Как вы могли подумать?

– Я ничего не думаю, – возразила хозяйка борделя. – Я просто спрашиваю, и это не запрещено, если вы тащите в мой дом труп!

Звуки за ширмой стихли. Эльза не знала, мужики выдохлись или ее слова ошеломили их. В любом случае все наострили уши: и те, кто находился в просторном помещении борделя, и те, кто скрывался от посторонних глаз за ширмой.

– Она не мертва, – уточнил Вильгельм. – По крайней мере, пока не мертва.

Хозяйка положила руку сначала на шею, затем на грудь незнакомки и кивнула.

– Жанель, принеси одеяло! – крикнула она девушке, сидящей за другим столом.

Полненькая француженка поспешила выполнить приказ.

– Это одна из твоих девок? – поинтересовался Роберт.

– Возможно, – пробормотала мадам, отводя взгляд. – Почему ты спрашиваешь?

– Мы должны знать: оставлять ее у тебя или думать дальше, что с ней делать.

– Кроме того, нам интересно, что с ней произошло. Она вышла с посетителем? Ты знаешь, с кем она была в последний раз? – вмешался Вильгельм.

– Вы хотите сказать, что не ваши руки последними касались ее кожи?

– Только для того, чтобы вытащить ее из реки Кюрнах и принести сюда, – заверил Вильгельм.

Хозяйка, Эльза Эберлин, которую чаще называли «мадам», посмотрела на молодых людей. Она давно их знала, точно так же как и их отцов: мясника, состоявшего в совете, и владельца процветающего ювелирного цеха. Юноши были легкомысленными, что касалось вина, игр и девок, но не злыми.

Эльза поверила им.

Из-за ширмы вышел клиент, поправляя выцветшую рясу, и мадам пожелала викарию спокойной ночи. Вскоре после этого и второй клиент – Гербер, живущий здесь, в предместье Плайхах, с женой и четырьмя детьми, – зашнуровал свой камзол и ушел, зевая.

– А теперь, вы двое! – хозяйка снова обратилась к ремесленникам. – Раз уж вы здесь, вам не помешает расслабиться после такой передряги.

Роберт одобрительно кивнул.

– Вина? Колбасы и хлеба? Игра в кости и одну из девочек?

– Одну девочку? – весело фыркнул Роберт. – Мы хотим всех! И дюжину кружек вина! – Он бросил цепочку с медальоном на стол у покрытых тиной стоп бесчувственной девушки. Мадам схватила ее и, придвинув масляную лампу, начала жадно рассматривать украшение. Затем она настороженно взглянула на молодых мужчин.

– Это твое? Я не хочу, чтобы получилось так, что я возьму это, а завтра сюда ворвется разъяренный отец или староста в поисках краденого.

– Ты хочешь меня обидеть, жалкая сводница? – Роберт угрожающе подбоченился.

Глаза хозяйки заблестели, но спустя мгновение она безропотно потупила взгляд.

– И в мыслях такого не было. Сегодня ночью берите все что хотите.

Роберт на радостях захлопал в ладоши и кивнул своему другу.

– Теперь докажи свои громкие слова на деле. Я жду с нетерпением!

Вильгельм хмыльнулся в ответ.

– Ну, хорошо, я начну с Мары и Грет. Пойдемте, мои сладкие, но сначала выпьем вина.

Обе шлюхи не заставили себя долго уговаривать. Мара принесла кувшин, затем они затащили молодого человека на устеленный грязными одеялами и подушками соломенный матрас. Прежде чем ответить на поцелуй Грет, Вильгельм посмотрел на хозяйку, не отводящую взгляда от укрытой одеялом незнакомки.

– Что с ней случилось? – заинтересованно спросил он.

– Я пошлю за банщиком. Возможно, она придет в себя. Не думай больше об этом и предавайся заслуженным радостям.

Вильгельм кивнул, и Мара прижала его к подушке. Он еще успел заметить, как Роберт с двумя девками исчез за ширмой. Мужчины за столом попрощались и, положив в вытянутую руку хозяйки требуемое количество монет, вышли из борделя.

Эльза подождала, пока молодые люди попросят еще вина и девочек, а потом просунула руку под затылок найденной девушки.

– Анна, возьми ее за ноги! – велела она девке, обслуживавшей викария.

Они отнесли неподвижное тело за вторую ширму и положили на одну из кроватей. Простыни были в пятнах и разили потом и выделениями. Эльза придвинула лампу.

– Мамочка, ты ее узнаешь? – спросила Анна и, сморщив лоб, наклонилась над бледным лицом.

Хозяйка покачала головой.

– Может, ты?

– Она не здешняя. По крайней мере, не из предместья Плайхах.

Эльза согласилась с ней.

– Но откуда она? И что она голая делала в городском рву?

– Она сама нам расскажет, когда придет в себя. Она ведь очнется? – Маленькая женщина с невзрачными русыми волосами вопросительно посмотрела на хозяйку борделя.

Эльза пожала плечами.

– Этого я сказать не могу. – Она немного отодвинула одеяло. – Посмотри на синяки на шее и на виске. И в волосах есть кровоточащая рана. Кто-то ее душил, и она получила как минимум два удара по голове.

– Мне сходить за банщиком? – спросила Анна.

Мадам задумалась. Банщик ничего не делает просто так. И точно не будет ничего делать бесплатно, учитывая ночное время и тот факт, что речь идет об удушенной и избитой

девушке. Хотя, возможно, ее еще можно спасти. Она молода и красива и могла бы отработать свои долги. Если выживет...

– Да, приведи его, – кивнула Эльза.

Не успела Анна уйти, как хозяйка сбросила одеяло. Она внимательно обследовала неподвижное тело, ощупала ноги и руки, потрогала волосы и немного раздвинула ноги, чтобы осмотреть половые органы. Внезапный стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Эльза быстро накинула одеяло на девушку и поспешила к двери.

Перед дверью с факелом в руке стоял высокий широкоплечий мужчина с короткими седыми волосами. Его строгое лицо было тщательно выбрито. Он держался необычно прямо и лишь слегка наклонил голову, когда мадам открыла ему дверь.

– Какая приятная неожиданность, – сказала она без особой радости в голосе и сделала шаг назад, пропуская его в дом. – Чем обязаны вашему визиту?

Гостю пришлось немного наклониться, чтобы не задеть шляпой притолоку. Он воткнул сосновый факел в держатель на стене и лишь потом ответил:

– Эльза, не пытайся умаслить меня, тебе пора бы понять, что со мной это не пройдет. Кроме того, тебе не нужно делать вид, что мой визит доставляет тебе радость.

– Ты же знаешь, – вздохнула она, – что я ничего против тебя не имею, но кому хочется принимать в своем доме палача? Даже для меня в этом нет ничего хорошего.

Мейстер Тюрнер понимающе кивнул.

– И все-таки это моя работа: следить за тем, чтобы в борделе все шло как положено.

Эльза вызывающе скрестила руки на обвисшей груди.

– Все так, как и должно быть.

– Да? – палач приподнял седые брови. – Как ты думаешь, сколько времени прошло с тех пор, как прозвенел колокол, оповещая горожан, что пора отправляться домой?

– Не знаю, – уклонилась хозяйка от ответа, – я его не слышала. – Но тебе хорошо известно, что в такое время я не могу прогнать своих клиентов. Когда им сюда приходиться, чтобы расслабиться? Когда на небе солнце, они должны работать, а по воскресеньям и пятницам – идти в церковь. Для нас остается только ночь. Я несу ответственность за своих девочек. Как мне их кормить, одевать, если они не заработают денег?

Палач поднял указательный палец.

– Ты все правильно говоришь. Воскресенье! Когда начинается воскресенье? Когда встает солнце?

– В полночь, – проворчала хозяйка угрюмо. – Уже действительно так поздно?

Посетитель кивнул и указал на ширму, за которой раздался восторженный возглас.

– Кто у тебя там?

– Никаких священников, женатых мужчин, евреев, – прошипела Эльза, – только два честных неженатых ремесленника, желающих получить немного удовольствия.

Палач одобрительно кивнул.

– Хорошо, я не буду вешать на тебя штраф. Это закон епископа и совета, не мой.

– Ха, епископ! – озлобленно выпалила Эльза. – Ему не следует так задаваться. Поучает меня, как мне обходиться с моими девочками, в то время как сам в своей крепости кувыркается в постели с содержанками!

– Осторожно, Эльза, ты переходишь границу, – предупредил ее палач.

– Неужели? – пробурчала мадам. – У нас нельзя говорить правду?

– Иногда разумнее этого не делать, – посоветовал палач.

Эльза ухмыльнулась.

– Значит, ты не отрицаешь, что наш епископ похотливый кобель?!

– Я бы не стал так выражаться, – возразил палач, но уголки его рта дрогнули.

– Мне бы хотелось знать, сколько его нагулянных детей бегают по Мариенбергу! Во всяком случае, не секрет, что он засыпает деньгами своих содержанок, а от нас, порядочных граждан, вымогает все новые налоги.

Палач задумчиво кивнул. Он не стал ничего говорить по поводу того, что Эльза относит себя к порядочным гражданам.

– Да, и не только это. Он продает и закладывает все что можно. Каноники не знают, как осадить его или убрать, пока он не все разбазарил. С другой стороны, епископ велит собирать милостыню и приносить в Мариенберг.

– Капитулу придется туго, если он будет защищать свой трон с оружием, – сказала хозяйка.

– Город должен будет решить, на чьей он стороне. И мы с тобой знаем, что ни один бюргер или безземельный крестьянин добровольно не вступится за епископа. И нам не останется ничего другого, кроме как пойти против него.

– Ты считаешь, что опять будет большая война? – с трудом переводя дух, спросила хозяйка. – Пресвятая Дева, только не это. Я еще не забыла Бергтайм!

– Я тоже не забыл, – покачал головой палач. – Но, думаю, дело опять дойдет до мерения силами, и помилуй нас Бог, если епископ снова одержит победу.

– В случае с некоторыми членами городского совета было бы неплохо, если бы их голова скатилась к ногам, – презрительно выпалила Эльза.

– Но это не единственное, что может потерять город и что он потеряет, если мы выступим с оружием против епископа фон Брунна и потерпим поражение.

Хозяйка вздохнула.

– Да, я знаю и могу надеяться только на то, что до этого не дойдет. Пусть он там, в крепости, развлекается со своими шлюхами, а нас здесь, внизу, оставит в покое.

Это напомнило палачу о причине его ночного визита.

– Значит, проследи, чтобы твои клиенты поскорее закончили свои дела и отправились домой. Мне не хотелось бы сегодня ночью еще раз приходить сюда. Пара спокойных часов в моей постели мне милее.

– Тогда я желаю тебе веселой ночи и передавай от меня привет своей жене! – ухмыльнулась Эльза.

– Не выводи меня! – рявкнул палач, но затем тоже ухмыльнулся. – Наглая баба, – выругался он и пошел к двери. – Тебе не помешала бы хорошая взбучка.

Эльза насмешливо сделала реверанс.

– И кто мне ее устроит? Может быть, ты? Это не входит в твои обязанности!

– Смотри не обманись, – проворчал он и открыл дверь.

На улице он практически столкнулся с Анной, за которой следовал банщик, несущий тяжелую сумку с инструментами.

Палач в удивлении остановился.

– Что привело тебя сюда в это время?

– Точно не желание поразвлечься, – пробормотал банщик, кивнул ему и прошел внутрь. Взгляд палача скользнул с банщика на Эльзу.

– Речь идет о том, что мне следовало бы знать?

– Нет, с чего ты взял? – пожала плечами хозяйка. – Он пришел посмотреть одну из моих девочек. У тебя есть какие-то возражения?

– Посреди ночи?

– Ну и что? У нее был приступ или что-то вроде того. Я хотела бы сразу знать, с чем имею дело.

– О ком ты говоришь?

– Тебя это разве касается? Это мои девочки!

Анна проскользнула мимо хозяйки и провела банщика за ширму. Теперь Эльза стояла один на один с палачом перед дверью.

– Смотри не попади в неприятную историю, – сказал он тихо и отвернулся. – Если ты все же изменишь свое мнение и придешь к выводу, что меня это касается, ты знаешь, где меня найти, – бросил он через плечо и исчез в ночи.

Хозяйка вернулась в дом и захлопнула за собой дверь.

– Мара, Грет, заканчивайте и проводите гостей! – крикнула она и, подойдя к банщику Вандеру и Анне, отправила девушку прочь: – Иди спать, сегодня ночью тебе придется делить ложе с Марой. Здесь ты спать не сможешь!

Анна, обидевшись, надула губы, но промолчала. Хозяйка слышала, как остальные выпроваживали двух молодых людей, затем все стихло. Она прекрасно понимала, что девушки сидят на кроватях и, сгорая от любопытства, прислушиваются к происходящему за ширмой. Эльза подошла ближе к банщику, который как раз стянул одеяло и осматривал все еще неподвижное тело.

– Ты сможешь ей помочь? – спросила она спустя какое-то время.

– Не знаю. Что с ней произошло?

– Меня там не было, – резко ответила мадам. – Откуда мне знать?

Банщик ощупал раны на голове и синяки на шее. Кроме этого он нашел еще пару безобидных ссадин и несколько синяков. Вандер начал промывать рану на голове.

– У нее сильно бьется сердце и, хотя и слабое, но ровное дыхание. Держи ее в тепле и попробуй ей влить в рот немного вина. Больше ничего нельзя сделать.

– Она придет в себя?

Банщик собрал свои инструменты обратно в сумку.

– Это известно только Богу. Я зайду еще раз завтра после службы.

– Это необходимо? – пробубнила хозяйка. В уме она подсчитала, сколько ей придется выложить, если девушка умрет. – Ну, если ты все равно ничего не можешь для нее сделать? Ждать мы можем и сами!

Банщик нахмурился.

– Если ты не хочешь, то я не приду.

Эльза попыталась примирительно улыбнуться.

– Я совсем не это имела в виду. Если она очнется и ей понадобится твоя помощь, я пришло к тебе Анну. В противном случае ни к чему беспокоить тебя в воскресенье.

Он наклонил голову и взял протянутое Эльзой вино.

– Спокойной ночи, мадам, – пожелал он на прощанье и вышел.

Хозяйка окинула взглядом притворявшихся спящими девушек и вернулась к столу. Эльза решила, что нет никакого смысла дежурить возле найденной блондинки, как вдруг из приоткрытого рта незнакомки прозвучал стон и она открыла глаза.

Глава 2

Вокруг было темно. Она парила, не чувствуя своего тела. Где она находилась? Что с ней произошло? Она больше не могла этого вспомнить. Кто она? Различные имена и лица приходили ей на ум, но ни одно не вызывало сильных чувств. Возможно, она вообще была не человеком, не живым существом, а только лишь мыслью в пустоте, прежде чем Бог создал вселенную? Этот образ вызвал у нее умиротворение. Темнота уже не пугала. Ей не нужно было сильно стараться, чтобы оставить это место позади себя. Все шло по замыслу Бога, и она будет парить в темноте до тех пор, пока Творец не возьмется за дело и не скажет: «Да будет свет!»

И свет появился! Сначала это было слабое красноватое мерцание, которое можно было принять за иллюзию, однако постепенно оно усиливалось, причиняя боль.

Вслед за красным светом появились звуки. Но это была не музыка, а голоса. Различные голоса. Мужчина и женщина, затем еще кто-то. Они что-то говорили, нарушая божественную гармонию, царившую до начала мироздания. Как они посмели вмешаться? Почему не подождали своей очереди? Ей хотелось сердито наморщить лоб, но как это сделать без тела? Словно чтобы переубедить ее в обратном, всю ее пронзила боль. Она началась в голове, прошла по спине и плечам и дошла до ног. Разочарованно она вынуждена была признаться себе, что не является бестелесной мыслью. Она начала понимать отдельные слова, звучащие вокруг нее. Мужчина стоял слева, женщина – справа. Раздался третий голос, еще одной женщины, вероятно, моложе первой. Кто-то взял ее руку, затем пальцы ощупали шею. Холодный легкий ветерок коснулся обнаженной кожи.

Пришло время открыть глаза. Однако прежде чем она пришла в себя, дрогнули ее веки и яркий свет ударил ей в глаза. Круглое мужское лицо склонилось над ее обнаженным телом. Мощная рука держала масляную лампу. Боль молнией пронзила ее голову, и она быстро сомкнула веки. Хотя ей и не хотелось повторять попытку, но через некоторое время она открыла глаза еще раз. На этот раз все было спокойно. Не было слышно ни голосов, ни шагов, свет был приглушен. Боль утихла, и она несколько раз моргнула, пока туманное изображение не стало таким четким, что она могла что-то распознать.

Почерневшие от старости и сажи балки и стропила. Пахло сыростью и плесенью, но в то же время чем-то сладким. Все казалось ей чужим. Таким же чужим, как и ее тело, которое теперь отзывалось еще более острой болью. Она снова попыталась сконцентрироваться на окружающей обстановке.

Казалось, что где-то далеко есть одеяло. Если бы она встала, то смогла бы дотянуться до него кончиками пальцев. Если бы она была в состоянии встать – и вообще пошевелиться! Веки тем не менее слушались ее хорошо, и она попыталась пошевелить губами и языком.

Морщинистое лицо пожилой женщины попало в ее поле зрения. Та подняла лампу и посмотрела на нее. Девушка быстро закрыла глаза, однако от боли снова медленно открыла их.

– Ты все-таки проснулась, – констатировала женщина. В ее голосе не было ни радости, ни облегчения. Ее щеки были покрыты румянами, а к подбородку прилипли крупинки сажи. Из-под неопрятного чепчика торчало несколько прядей седых волос. Ее губы были накрашены красным цветом, однако это не делало ее красивее. Когда она наклонилась, девушка увидела морщинистую кожу ее обвисшей груди.

– Кто ты? Ты меня слышишь? Скажи мне свое имя и откуда ты?

Открыть глаза было непросто. Но вспомнить, кто она, и даже проговорить это? Пожилая женщина с обвисшей грудью требовала от нее невозможного! Девушке снова захотелось вернуться в благословенную темноту, в которой она была лишь мыслью Бога.

Женщина наклонилась вперед и ущипнула девушку за бедро.

– Ай! – возмущенно вскрикнула она и вздрогнула. – Что ты себе позволяешь? – ее голос был грубым и чужим и царапал гортань.

Накрашенные губы пожилой женщины скривились в усмешке.

– Значит, ты не немая, моя голубушка. Кажется, ты сможешь сделать глоток.

Из тени появилась фигура с каштановыми волосами и подошла к женщине.

– Мамочка, принести вино?

– Мара! Что я тебе сказала? – Женщина подняла руку, будто хотела дать ей пощечину, но девушка, уклоняясь, отступила. Хозяйка опустила руку. – Ну, ладно, принеси черничное вино. Думаю, ей нужно что-то крепкое.

Просунув руку под голову незнакомки, Эльза подняла ее и прижала горлышко бутылки к губам. Девушка сделала два глотка, и ее щеки порозовели. Она резко открыла глаза и приподнялась. Одежда сползло с обнаженной груди. Девушка закашлялась, слезы покатались по щекам, судорожно изогнувшись, она рывком выдохнула.

Хозяйка ухмыльнулась и кивнула:

– Вот теперь мы можем поговорить. Мара, иди спать!

– Ну, мамочка, пожалуйста, – взмолилась девушка, – мы умираем от любопытства и хотим знать, что произошло.

Эльза покачала головой, но ее лицо не было хмурым. Она посмотрела на блондинку на кровати, которая уставилась на нее своими большими глазами, вцепившись двумя руками в одеяло и стыдливо натянув его на грудь.

– Ну хорошо, – согласилась она. – Принеси нашей гостье рубашку и вина и посмотри, осталось ли что-то в котелке. Может быть, она сможет поесть.

– Спасибо, мамочка! – Мара быстро ушла. Ее пышные каштановые волосы легкими волнами спадали на спину. Прежде чем она вернулась с рубашкой, из темноты вышли другие тени, принесли вино и миску с холодным муссом и уселись на полу.

Мадам посмотрела на них и вздохнула.

– Мне следовало бы догадаться. Вы опять подслушивали, вместо того чтобы слушаться. Я вычту из вашей зарплаты по шиллингу!

Девушки отнеслись к этому спокойно. Большинство из них так или иначе должны были отрабатывать долги у Эльзы. Причины, почему они здесь оказались, были разными, но ни одна из них не тешила себя иллюзией, что ей под силу поменять бордель в предместье Вюрцбурга на что-то лучшее. Кроме того, здесь было не так уж и плохо. Мамочка заботилась о еде, время от времени и о новой одежде, у них была крыша над головой, когда они ложились спать, и теплое одеяло, чтобы укрыться, когда ветер гулял в щелях ветхого дома. За это они должны были оказывать услуги мужчинам, искавшим здесь развлечений. Чаще всего они не требовали ничего невозможного, и мадам следила за тем, чтобы клиенты не истязали ее девочек. И если они получали взбучку, то только от самой мамочки. Эти девушки, каждая сама по себе, пережили худшие времена, чем здесь, под зорким оком Эльзы Эберлин. Конечно же, они радовались, когда мамочка давала им их долю и они могли купить себе всякие безделушки у мелких торговцев или сладости у пекарей, однако сейчас были готовы отдать шиллинг, чтобы послушать увлекательную историю и присутствовать здесь, когда незнакомая блондинка начнет свой рассказ.

Хозяйка подождала, пока Мара поможет ей надеть изношенную рубашку, и спросила еще раз:

– Кто ты? Как тебя зовут?

Блондинка уставилась сначала на нее, потом на девушек, которые уселись на полу в круг и с нетерпением смотрели на нее, однако ничего не сказала и только покачала головой.

На лице хозяйки появилось раздражение. Некоторые девушки вжали голову в плечи. Они знали, что не следует сердить Эльзу. Она может пребывать в великодушном и веселом настроении, однако оно быстро исчезает, и тогда на того, кто допустил легкомыслие и разжег ее гнев, может обрушиться гроза.

– Скажи нам свое имя! – потребовала хозяйка еще раз строгим тоном, но девушка на постели посмотрела на нее широко открытыми глазами и покачала головой.

Мадам подняла правую руку, и все вздрогнули, но только не девушка, пристально следившая за ней своими серо-зелеными глазами. Ладонь сильно ударила ее по лицу. Трудно было предположить, что женщина такого возраста обладает недюжинной силой! Блондинка вскрикнула и покачнулась. Она чуть было не потеряла равновесие и не упала с кровати, но удержалась и выпрямилась. На грязное одеяло потекли слезы.

– Теперь ты мне ответишь? Скажи нам свое имя!

Имя! Да, разумеется, у нее должно быть имя, которым ее называют другие люди. Незнакомка напрягла память, но чем больше она старалась, тем непрогляднее становилась тьма. Память не поддавалась. Перед ее мысленным взором проносились силуэты, но как только она пыталась ухватиться за них, они ускользали в недоступные ее сознанию уголки.

– Не знаю. – Ее голос был уже не таким хриплым и грубым, и в нем угадывался присущий ей звонкий тембр и слышалось удивление.

Хозяйка, замахнувшаяся для второй пощечины, опустила руку.

– Ты не знаешь, как тебя зовут?

Блондинка покачала головой.

– И откуда ты – тоже?

Она немного подумала, затем опять покачала головой.

– Хм, – мадам прикусила нижнюю губу. – Ты можешь вспомнить, что с тобой произошло? Кто-то, должно быть, душил и избивал тебя.

– Нет, я ничего не помню, – посетовала блондинка и умоляюще посмотрела на круг, как будто девушки могли ей помочь. Хозяйка проследовала за ее взглядом.

– Может, вы ее знаете? Или видели? Напрягите свой мозг! Голова вам дана не только для того, чтобы разводить блох!

Жанель, черноволосая француженка небольшого роста, хихикнула, обнажая щель между зубами. Остальные только дружно покачали головой.

– Что теперь с ней будет? – поинтересовалась Грет, высокая худая девушка с густо усеянным веснушками лицом и ярко-рыжими, словно пламя каминного огня, волосами.

– Возможно, стоит отвести ее в госпиталь? – спросила Мара.

– Она может остаться у нас, – предложила Анна, самая младшая из девушек.

– Я не буду делить с ней постель, – недовольно прошипела красotka Марта. – Хватит уже, что я иногда вынуждена пускать под свое одеяло Мару, но она хотя бы маленькая и не вертится.

– Она может спать со мной, – предложила Эстер.

– Конечно, наша милосердная душа, наша добрая сестра, – пробурчала Марта.

– Оставь ее в покое! – огрызнулась Грет и дернула Марту за ее золотистые волосы.

– Убери свои руки, дьяволица! – провизжала Марта.

Мадам пронеслась над ними, как молния, и обеим влепила пощечину.

– Успокойтесь!

Девушки послушались, успев обменяться язвительными взглядами.

Незнакомка испуганно смотрела на них.

– Что уставилась? – фыркнула Марта.

Эльза вздернула брови.

– Тебе мало? Я могу достать ремень, если тебе нужно еще.

Красивая блондинка опустила глаза и пробормотала:

– Нет, мамочка, не нужно.

Грет закрыла улыбку рукой, тоже покрытой веснушками.

– Что же нам с тобой делать? – снова повернулась к кровати Эльза. – Для начала я подберу тебе несколько платьев. Ты не можешь оставаться в таком виде. И обувь тебе нужна. Потом ты получишь постельное белье и одеяло. Следи, чтобы оно было чистым. Каждый сам следит за своим постельным бельем. Если тебе еще что-нибудь понадобится, скажешь мне. Едим мы все вместе два раза в день. Утром у нас молочный суп или мусс, по вечерам – теплый густой суп и хлеб. Хорошее вино только для гостей. Девочки покажут тебе, какая бочка для вас. Поначалу будешь спать одна. Когда поправишься, мы по-новому распределим кровати.

Безымянная девушка улыбнулась и нежно произнесла:

– У вас доброе сердце! Как я смогу вас отблагодарить?

Другие девушки переглянулись.

Хозяйка, не глядя в серо-зеленые глаза, пробормотала:

– Потом посмотрим, – и прогнала своих девочек: – А теперь марш в свои постели, иначе попадете под горячую руку!

Девушки поднялись, расправив рубашки.

– Как же нам ее называть, если мы не знаем ее имя? – поинтересовалась пухленькая Жанель.

– Мы должны дать ей имя, – согласилась Грет.

– Хорошая идея, – кивнула хозяйка. – У тебя есть предложения?

Рыженькая пожала плечами.

– Я точно не знаю. Может, Мария? Или Зузанне? Или Аффа?

Она посмотрела на незнакомку, но та лишь беспомощно пожала плечами.

– Барбара? Йоханна? – предложила Анна, но и эти имена не вызвали никакой реакции.

– Ну что? – поторопила ее хозяйка. – Решайся или мы сами выберем для тебя имя.

– Урсула или Маргрет? – продолжала Грет. – Может, Люция? Бригитта или Элизабет?

Девушка на кровати вздрогнула. Элизабет. Тепло разлилось по телу.

Она вспомнила маленькую девочку с тугими белокурыми косичками, сидевшую в сене, прижав котенка к груди. Как удивительно свежо пахло сено!

– Элизабет! Ты где? – нарушил покой женский голос.

Ребенок спрятался. Послышался скрип двери, и яркий солнечный свет залил помещение. Шаги приближались. В поле зрения появились подобранная юбка с грязным подолом и опухшие ноги в растоптанной обуви. Девочка слышала тяжелое дыхание тучной женщины.

– Элизабет! Ты не слышала, как я тебя зову?

Нельзя было не услышать в голосе упрек. Ребенок, не отводя глаз от подола и обуви, покачал головой, хотя отчетливо слышал, как его зовут.

Вздохнув, женщина наклонилась и, забрав котенка, взяла маленькую детскую ручку.

– Пойдем же! Твой отец может вернуться в любую минуту!

Она поставила девочку на ноги и повела за собой на яркий солнечный свет.

– Да, он придет. Первые гонцы прибыли еще ранним утром. Поход закончен, и войско возвращается. Твой отец в добром здравии.

– Франконское войско победило? – поинтересовалась девочка, шагая рядом с толстой женщиной.

– Об этом я ничего не знаю, – раздраженно пробормотала она. – Я обычная служанка и радуюсь любому мужчине, будь то бюргер или рыцарь, который невредимым вернулся из Богемии и которому эти еретики не вспороли брюхо.

– Что это с ней? – спросила рыженькая с веснушками, вернув незнакомку к действительности. Она улыбнулась Грет и кивнула.

– Да, мы будем называть ее Элизабет, – сказала Эстер. – Разве не так назывался этот дом, построенный для десяти бедных женщин, чтобы они получали здесь еду и одежду?

Остальные утвердительно кивнули.

– Хорошо, тогда решено. – Мадам Эльза хлопнула в ладоши. – Так, быстро в свои постели, и чтобы я ни звука не слышала!

– Элизабет, – прошептала девушка и прислушалась к звучанию. Ей понравилось. Даже если она не была той девочкой. Было ли это воспоминание? Если да, то куда подевались люди, окружавшие ее всю жизнь?

Но как она ни старалась, за исключением этого яркого отрывка в ее голове не было ничего, кроме густого тумана. Она сосредоточилась на нем, решив беречь как настоящее сокровище. Обессиленная Элизабет закрыла глаза. Маленькая девочка улыбнулась ей.

Эльза подождала, пока все успокоилось, и, погасив лампу, вышла и со скрипом закрыла за собой дверь большим ключом. Несколько звезд освещали тропинку к ее дому, вернее маленькой хижине, с обмазанными глиной стенами и провисающей крышей. Но все же это была ее собственность и там было все, что ей нужно: печь с котлом, стол, деревянная лавка, два табурета и полка, на которой она хранила глиняную посуду и продукты.

Крохотная комната отделялась от кухни плетеной перегородкой высотой по плечо. Прежний хозяин держал в углу скотину: свинью, козу и пару куриц, но Эльза привела в порядок комнатку и устроила в ней свою спальню. Там же находилась и ее большая гордость: обитый железом сундук с замком, где она хранила свою одежду, полученные деньги и другие ценные для нее пожитки.

Эльза подошла к печи и разгребла пепел. Под ним оказалось несколько обугленных поленьев. Она зажгла лампу и, поставив ее на стол, неуклюже села на лавку. Мадам извлекла медальон, принесенный ремесленниками в качестве оплаты.

Золотая поверхность сверкала в свете пламени, большой драгоценный камень и жемчуг переливались. Это была не дешевая безделушка! Украшение изготовил искусный ювелир, и она была готова на что угодно поспорить, что камень и жемчуг были настоящими, как ей и показалось в теплом свете лампы.

– Молодой дурак, – пробормотала хозяйка и, аккуратно завернув драгоценность в платок, спрятала ее под рубашками и платьями в сундуке. Довольная улыбка заиграла у нее на губах, когда она залезла под одеяло и сразу уснула.

Элизабет лежала в темноте. Не было никакой разницы, закрыты или открыты у нее глаза. Если она не улавливала звуки, ей казалось, что она опять без сознания. Она слышала, как дышат девушки, одна из них тихонько храпела, другая бормотала что-то во сне. Судя по шелесту соломы, кто-то вертелся на кровати. Где-то на улице капала вода и выла собака. Она даже слышала ветер.

– Элизабет, – шептала она и прислушивалась к звучанию своего имени. Неужели это она? С недавнего времени – да, но кем она была раньше, прежде чем ее окружила темнота? Ее место здесь или у нее была другая жизнь? Что ее оттуда выдернуло? Ее мысли блуждали в поисках прошлого, но находили только пустоту. Похоже, Бог отправил ее на землю девственную и нагую. Это возможно? Она не знала ответа. А что это было за воспоминание о маленькой девочке и тучной женщине? Та что-то говорила о ее отце. Значит, у нее была семья, которая, возможно, в эту минуту ищет Элизабет, волнуется и не знает, что могло с ней случиться. Отец и, наверное, мать, братья и сестры. А может быть, и супруг? Элизабет прислушивалась к себе. Скорее нет. Она точно не была еще в таком возрасте. Девушка поло-

жила руки на живот. По крайней мере, она была уверена, что еще не рожала. Внезапно она вспомнила маленького мальчика, который наступает ей на ногу и дергает за косичку.

Белокурая девочка, на дюйм выше него, закричала и ударила его по лицу.

– Ой! – Мальчик вытер слезы и схватился за покрасневшую щеку. – Дура! – сердито закричал он, развернулся и убежал. – Элизабет дура!

Она слышала, как он кричит, прежде чем картинка исчезла и туман снова окутал ее воспоминания.

– Я Элизабет! – сказала она тихо и заснула. Ее разбудил смех, чья-то рука легла ей на плечо и легонько его потрясла.

– Просыпайся! Уже давно день. Ты собираешься проспать все воскресенье? Мы были на утренней мессе, и священник сказал, что безделье – это грех!

Девушка подняла веки и протерла глаза. Ей потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, кто эти незнакомые лица. Правильно, она появилась из темноты и проснулась в доме с этими девушками, которые называли ее Элизабет, точнее она была Элизабет, и в детстве у нее был котенок, и она знала мальчика, дергавшего ее за косички! Она почувствовала облегчение, что ночь не унесла с собой ни котенка, ни наглого мальчишку. Элизабет выпрямилась и улыбнулась девушкам.

– Прошу прощения. Я не хотела доставлять вам неудобство.

Девушки засмеялись.

– Как она говорит! – воскликнула пышка с каштановыми волосами и, смеясь, прикрыла чувственный рот рукой. Наверное, она была самой молодой здесь.

– Ты не доставила нам неудобства. Мамочка сказала, чтобы мы дали тебе выспаться, – успокоила ее высокая девушка с рыжими волосами и веснушками.

– Ну а теперь вставай, – продолжила брюнетка с темными глазами, не местная, судя по ее акценту и певучести речи. Она протянула Элизабет простое темное платье со шнуровкой под грудью и чепчик. – Вот, это дала тебе мамочка, оно должно подойти. Кстати, я Жанель. – Она улыбнулась, обнажив щель между зубами. – Рыжую зовут Грет, крошку с каштановыми волосами – Мара, а нашу самую младшую толстушку – Анна. Добрую душу, которую Бог наградил лошадиным лицом, а мужчины – шрамами, зовут Эстер. А злюка, которая ухмыляется и превращает нашу жизнь в ад, если это не удастся мужчинам, это Марта.

Последняя, дернув Жанель за волосы, прошипела:

– Прикуси свой французский язык. Тебя надо бы отправить туда, откуда ты пришла. Я тебя предупредила! Не выводи меня!

Но Жанель даже не обратила на нее внимания. Увернувшись от Марты, она улыбнулась Элизабет:

– Вот, слышала! Тебе следует быть с ней осторожной. А теперь давай!

Жанель откинула одеяло, сняла с Элизабет рубашку и начала мыть девушку теплой водой. Краснея, Элизабет взяла у нее мочалку из рук и опустила глаза.

– Спасибо, я могу сама.

Ей было неприятно, что девушки все еще стояли рядом и пялились на нее. Жанель помогла ей вытереться простыней и снова надеть рубашку.

– Можно я помою тебе голову? Твои волосы, должно быть, прекрасны, если их освободить от ила и тины.

Элизабет кивнула и согласилась, чтобы Жанель вслед за этим помогла ей надеть платье и зашнуровать его под грудью. В глубокий вырез и из-под рукавов была видна рубашка. В конце Жанель надела ей чепчик на мокрые волосы. Тем временем Мара и Анна принесли котел и поставили его на стол, а Эстер достала миски и кружки с полки. Девушки сели за больший из двух столов, позавтракали горячей овсянкой и выпили разбавленное водой кислое вино.

Они смеялись и шутили, так что Элизабет забыла о стеснении, которое она испытывала в незнакомой обстановке. Возможно, она действительно была на своем месте? Возможно, она давно потеряла свою семью и теперь это был ее дом? Ее взгляд скользнул по лицам. Все были очень дружелюбные, даже Марта. Почти как любящая семья. Не имело значения, что все называли ее просто Лизой, хотя Элизабет было привычнее.

– Что случилось? Почему ты так смотришь? – поинтересовалась Анна.

– Здесь так спокойно, что мне кажется, будто я вернулась домой. Я благодарна вам.

Девушки переглянулись, бормоча что-то невнятное. Только Жанель смотрела ей в глаза, и в ее взгляде была непонятная грусть. Разумеется, жизнь приготовила для них испытание, которое они все преодолели, так как жили здесь все вместе в тепле и сытости. Что Эстер говорила сегодня ночью? Что дом называли, как и ее, Элизабет, и он был предназначен для десяти женщин, чтобы они получали здесь еду и одежду. И жили здесь как семья!

Девушки почти все доели из котла, когда открылась дверь и зашел мужчина в изношенной рясе.

– Доброе утро и да благословит вас Господь, отец Тибаульд, – поприветствовали его девушки. Анна засмеялась. Патеру было около пятидесяти, его волосы поредели, и морщины испещряли худое лицо. Он опустился на лавку возле Жанель и благодарно взял поставленный Грет кубок. Она наполнила его не из кувшина, из которого пили девушки, а принесла другой с камина. Патер выпил и, отрыгнув, облегченно вздохнул. Положив Жанель руку на талию, он придвинулся к ней. Его взгляд скользнул по всем девушкам и остановился на Элизабет.

– Ах, погляди-ка, новое лицо, – обрадовался он и поклонился. – Я викарий Тибаульд из монастыря Хауг. А как тебя зовут, прелестное дитя?

Девушка смотрела на него, широко открыв рот.

– Ее зовут Лиза... э-э-э... Элизабет, – подсказала Грет.

– Мог бы я, я имею в виду, если бы я... – Священнослужитель облизал губы, не отводя от Элизабет глаз. Охваченная чувством стыда от его бесцеремонного разглядывания, она отодвинулась. Остальные девушки обменялись взглядами с неприязнью, сменившейся облегчением, когда дверь открылась во второй раз и зашла мамочка.

– Ах, викарий Тибаульд! – поприветствовала она патера, даже не пытаясь скрыть свое недовольство. – Что вам опять здесь угодно?

– Немного отдохнуть и расслабиться, дорогая мадам. Я сегодня отчитал три панихиды!

– Это ваша работа, – жестко ответила Эльза.

– Да, конечно, но это очень непросто – посвятить свою жизнь Богу. Нужно позволять себе и плотские радости, иначе можно потерять силу для служения Богу. – Его похотливый взгляд опять вернулся к Элизабет. – Мадам, можно осчастливить нового белокурого ангела, всего на часок?

– Сегодня воскресенье! – отрезала Эльза.

Викарий отвернулся.

– Я знаю, Господь запрещает или, по крайней мере, епископ, – поправился он. – Откуда мы можем знать, о чем думает Господь на небе?

Хозяйка борделя подбоченилась:

– Для меня важнее, что думает епископ или староста, потому что он точно доставит мне неприятности, если я вопреки запрету пушу вас в свой дом в святой день! Как вы думаете, что произойдет, если вас здесь застанет за кувырканием палач?

Викарий умоляюще посмотрел на нее.

– Прошу вас, мадам. Я готов заплатить больше, чем обычно. – Он порывлся в своем кошеле и протянул ей две соблазнительно блестящие монеты. Казалось, блеск металла отра-

зился в глазах мамочки. Самой большой слабостью Эльзы были деньги и украшения. Она протянула руку и выхватила монеты из рук викария.

– Хорошо, только поторопитесь. Вы пойдете в мой дом напротив.

– Можно мне белокурое дитя?..

– Нет! Мара, пойдешь ты!

Изящная девушка сняла чепчик, распустив каштановые волосы, и пошла, виляя бедрами, к викарию. Подхватив его под руку, она потащила патера с лавки.

– Пойдемте со мной, викарий. Вы не будете сожалеть о своем прегрешении! А позже сможете исповедаться.

Викарий бросил на Элизабет еще один полный сожаления взгляд и последовал за Марой. Элизабет смотрела им вслед, открыв рот. Что здесь происходит? Это не дом общества богобоязненных женщин? Как она ни силилась, ей в голову не приходило никакого оправдания того, что она здесь услышала и увидела. Куда она попала? Элизабет посмотрела на Эльзу, но та вместо объяснений отвернулась.

Мамочка велела девушкам убрать со стола и помыть посуду. Элизабет молча, потупив взгляд, помогала. Она не могла решиться спросить у других девушек. Прежде чем она под строгим контролем мадам вымела грязное сено и вынесла его в выгребную яму, вернулась Мара и помогла разложить новое. Викария нигде не было видно. Наверное, он вернулся в монастырь Хауг.

Несколько раз Элизабет пыталась спросить Мару, что произошло между ней и священнослужителем, но очень боялась услышать ответ. Как ей смотреть в глаза, спрашивая о таких вещах? Поэтому она украдкой наблюдала за Марой. Та казалась еще более легкомысленной, чем прежде, смеялась и спорила. Как это возможно? Стеснение в груди Элизабет прошло. Должно быть другое объяснение, почему у Мары на лице нет признаков стыда! Только Элизабет в голову ни одно не приходило. Но скоро ей об этом расскажут другие.

Остаток дня девушки провели в тени груш, праздно валяясь в траве. Это был замечательный весенний день. Они болтали или дремали, пока мамочка не позвала двух из них готовить ужин. С наступлением темноты они вместе съели густой суп из капусты, свеклы и лука с копченой колбасой. Затем Эльза отправила девушек спать и забрала лампу. Это была вторая ночь Элизабет в доме мадам. Когда она уснула, ей было тепло и уютно, как будто здесь ей было и место. Она не догадывалась, как скоро это чувство исчезнет.

Глава 3

Понедельник прошел в работе по хозяйству и болтовне. Девушки снимали грязные простыни с кроватей и застилали продавленные соломенные матрацы свежими. Затем они носили воду из колодца и, добавив туда щелочь, стирали простыни и одеяла в больших кадках перед домом. Грет, сняв обувь, топтала замоченные одеяла в овальном корыте. Анна и Мара ополаскивали их, а Жанель и Элизабет выкручивали. Марта напевала что-то под нос, развешивая простыни на заборе.

Хотя солнечные деньки минули, все же, несмотря на тучи, которые ветер весь день гонял над Майном, было достаточно тепло, чтобы работать на лужайке, а не в темноте душного дома. Анна завела песню, и все девушки, кроме Марты, назвавшей ее тупой, подхватили ее.

Позже мамочка вместе с Грет ушла, чтобы пополнить запасы вина, вернулись они после обеда. Возчик доставил купленные бочки: одну он закатил в дом, а другую – в заком, пристроенный за домом. Он еще немного поболтал с хозяйкой, прежде чем попрощался и уехал на своей повозке.

Эльза распределила задания на вторую половину дня. Жанель должна была идти за покупками. Она решила взять с собой Элизабет. Мамочка не хотела, чтобы ее девушки в одиночку шатались по городу. Хозяйка, конечно, недовольно скривилась, узнав, что Жанель хочет взять с собой новенькую, но все же позволила.

– Куда мы идем? – с любопытством осматриваясь, спросила Элизабет. Она изучала каждый дом, каждый двор, каждый кустик в надежде хоть что-то узнать, но ее память была окутана густым туманом.

– Мы идем на городской рынок через ворота под башней.

На мосту Элизабет закинула голову, чтобы рассмотреть башню. Вход охраняли два стражника. Возможно, она была здесь раньше? Ничего, только туман. Но все же в ее душе что-то екнуло, когда она шла по переулкам в толпе, разглядывая дома.

Вскоре девушки добрались до рынка, прилавки которого выстроились с двух сторон вдоль Домштрассе до узкого переулка. Они купили овощи и яблоки, прошлись по рядам с яйцами и выторговали кусок сала для заправки супа.

Сначала Жанель болтала без умолку, постоянно задавая вопросы, на которые получала односложные ответы.

– Ты не очень-то разговорчива, – сказала она, подходя к воротам, ведущим в предместье Плайхах.

Элизабет вздохнула.

– Мне нечего сказать. Это очень странное чувство – быть взрослым и вместе с тем заново рожденным. У каждой из вас своя история и воспоминания. В моей голове за исключением нескольких картинок клубится туман, сквозь который я не могу пробиться. Я не знаю ничего! Ты называешь меня Элизабет, и, возможно меня так звали раньше, но я в этом не уверена. Несмотря на ваше хорошее отношение, жизнь здесь, как одежда, сшитая для кого-то другого: в одном месте широковата, в другом узковата. Я словно упавшее дерево, которое потеряло корни. Вместе с воспоминаниями я потеряла семью и дом, где чувствовала себя в безопасности и куда могла бы вернуться.

Жанель, остановившись, с состраданием погладила ее руку.

– Наше заведение теперь твой дом, и мы станем твоей семьей. – Она лукаво улыбнулась. – У нас, как и в любой семье: кого-то любишь больше, кого-то меньше, иногда с кем-то ссоришься и рвешь на себе волосы. А мадам – наша мама, строгая и неуступчивая, но справедливая. Мы работаем на нее, за это она зорко следит за происходящим и не побоится

призвать к порядку даже рыцаря или члена городского совета, если они позволят себе лишнего. Дважды она даже посылала за палачом, когда пьяную компанию невозможно было усмирить. И в случае с Эстер... – Ее лицо помрачнело.

Элизабет следовало бы расспросить Жанель, но ей не хватило смелости лишить себя последней иллюзии. Момент был упущен. Крошка Жанель снова радостно посмотрела снизу вверх на Элизабет.

– Вот увидишь, здесь не так плохо. Многие из нас пережили и худшие времена и обрели покой здесь, у мадам.

Элизабет только молча кивнула. Жанель была ей симпатична, и с другими девушками сложились нормальные отношения, но она немного боялась мадам. Что здесь происходило? У нее было смутное представление об этом, и, несмотря на потерю памяти, она понимала, что уклад жизни богобоязненных женщин, например бегинок, пожертвовавших собой ради ближних, существенно отличается от происходящего в доме. Тот факт, что за порядком здесь следит палач, свидетельствовал о грехе. Где-то глубоко в душе Элизабет чувствовала, что это место не для нее.

Вернувшись домой, они застали всех в постели, многие спали.

– Тебе тоже следовало бы прилечь. Ночной покой здесь длится недолго, и когда придут первые гости, поздно будет думать о сне.

Элизабет не чувствовала усталости, но все же прилегла. Одеяло еще сохло на улице. Что еще ей делать в большом мрачном помещении, которое даже днем едва освещалось сквозь обтянутые пергаментом окна?

«Слишком темно для чтения», – подумала Элизабет и удивилась своим мыслям. Чтение? Она умеет читать? В памяти всплыло воспоминание о бросающих разноцветные блики витражных окнах и толстой книге в кожаном переплете. Но как только она попыталась взять книгу и напрячь память, чтобы вспомнить комнату и весь дом, все исчезло в тумане.

Она, вероятно, заснула, потому что внезапно раздавшийся шум заставил ее вскочить. Большинство девушек не спали. Масляные лампы горели в держателях на стенах, хотя остатки дневного света еще пробивались сквозь окна. Элизабет изумленно осмотрелась. Странная хлопотливость царила в большой комнате, которую можно было при необходимости разделить двумя плетеными ширмами. Сейчас они стояли у стены, поэтому Элизабет могла видеть всю комнату.

В ней насчитывалось три кровати и два соломенных матраца в дальней части, справа и слева от двери стояли два стола с двумя лавками возле каждого и несколько табуретов. Слева у двери была печь, Марта как раз мешала угли. Анна принесла кувшины с глинтвейном, чтобы подогреть его. Эстер, порезав большую буханку хлеба, складывала ломти в корзинку. Мара сидела на постели, украшенной туго набитыми подушками, и Жанель шнуровала ее корсет. В отличие от предыдущего дня она облачилась в рубашку с большим вырезом, и ее грудь и руки были практически голые! Яркие наряды других девушек тоже вряд ли можно было назвать благопристойными. Грет так высоко зашнуровала свое платье, что виднелись икры, а из глубокого декольте Анны выглядывали соски, когда она наклонялась. Кроме того, девушки покрасили губы красным цветом. Мара подвела глаза угольком, а Марта припудрила лицо и навела румянец. Даже старая мадам надела туго зашнурованное яркое платье и покрасилась. Тяжелая цепь висела на ее дряблой груди, золотые браслеты звенели при каждом движении. Стоя посреди комнаты, она следила за своими протезами.

Элизабет неподвижно сидела на постели у стены и наблюдала за изменившимися девушками.

Разбудивший ее шум доносился от входной двери: кто-то постучал и так резко распахнул дверь, что она ударилась о стену. Трое мужчин громко и восторженно поприветствовали девушек. По всей видимости, настроение им подняла выпивка. Один мужчина обнял Марту,

которая ему мило улыбнулась и вдруг стала замечательно выглядеть, может быть потому, что убрала свою угрюмую мину. Второй, положив руку на пышный бюст Анны, прижал ее к себе. Потеряв равновесие, девушка упала ему на грудь. Выскользнувший из ее рук кувшин ударился о пол и разлетелся вдребезги, залив все вокруг красным вином. Мужчины засмеялись, Анна, выругавшись, с опаской бросила взгляд на мамочку.

Эльза нахмурилась.

– Ну же, господа, не так бурно, – дружелюбно сказала она. – Присядьте сначала, выпейте. У нас есть свежий хлеб, сыр и сало. Может быть, сыграете в кости?

Мужчины, плюхнувшись на лавки, попросили вина. Грет принесла им сыр и сало, а Жанель достала кости и села рядом. Посетители, прилично одетые мужчины в возрасте, точно не были мелкими ремесленниками из предместья. Скорее всего, их укрепленные дворы с башнями напоминали маленькие замки и располагались в облюбованных канониками кварталах Бастгеймер или Гензегеймер во внутреннем городе. Элизабет удивилась своим мыслям и как раз задалась вопросом, откуда это ей известно, как вдруг почувствовала на себе взгляд мамочки.

– Как ты выглядишь? – сдвинув брови, спросила Эльза. – Так не пойдет! Еще кто-нибудь подумает, что я приютила беглую богомолку.

– Но ведь это вещи, которые вы мне вчера дали, – удивилась Элизабет. Она посмотрела на себя и не увидела ничего непристойного в застиранном и местами потертом платье.

– Вчера было воскресенье! – проворчала Эльза. – Для него они годятся, но не для сегодняшней ночи и других ночей, когда нам нужно работать.

Она посмотрела на стол, за которым сидели трое мужчин и с громкими возгласами играли в кости. Девушки восторженно хлопали в ладоши при каждом удачном броске и утешали проигравших поцелуями. Присутствие хозяйки там не требовалось.

– Пойдем со мной, я посмотрю, как тебя можно принарядить.

Мамочка повела свою новую подопечную в маленький дом напротив, располагавшийся в двадцати шагах от старого еврейского кладбища. Домик прятался между несколькими кривыми яблонями, по его ветхой глиняной стене плелась ежевика. Эльза усадила девушку на лавку и скрылась за плетеной перегородкой. Открыв сундук, она порылась в рубашках, платьях и корсетах. На минуту взяла в руки медальон, который ей принесли ремесленники, нашедшие Элизабет, и снова тщательно спрятала. С охапкой пестрых платьев она вернулась к девушке.

– С сегодняшнего дня это твоя одежда для вечеров. Следи, чтобы тебе ее сразу не порвали!

Почему ей должны порвать одежду? Она ведь не ребенок, играющий по амбарам или лазающий по деревьям! Элизабет хотела было возразить, но предпочла промолчать и при помощи хозяйки сняла свое простое платье и длинную льняную рубашку. Вместо них Эльза дала ей желтую рубашку по колено из тонкой ткани с широкими рукавами и платье с глубоким декольте.

Краснея, Элизабет попросила:

– Может, у вас есть булавка для меня?

Мадам покачала головой.

– Она тебе не нужна. А теперь я тебе помогу с платьем.

Хозяйка борделя набросила на девушку платье из вышитой зеленой ткани с еще более глубоким декольте, чем на рубашке, и шнуровкой под грудью. Эльза затянула ее так туго, что Элизабет застонала. Теперь ее грудь напоминала празднично упакованный подарок – два упругих персика в обрамлении желтой ткани и вышитой каймы. Платье широкими фалдами спадало до лодыжек, над узкими и короткими рукавами вздувалась желтая ткань рубашки.

– Но я не могу так идти! – возмутилась Элизабет и посмотрела сначала на свою грудь, затем на обнаженные предплечья и лодыжки.

– Можешь. Это как раз то, что нужно, – категорично сказала мамочка и придвинула лампу. – А теперь сиди спокойно, чтобы я смогла нанести немного краски на твое бледное лицо.

В домике Эльзы не было зеркала, но Элизабет видела других девушек, и ей не хотелось выглядеть так же! Это было неправильно... неприлично!

– Пожалуйста, не надо, – она немного отклонилась.

Хозяйка с силой сжала ее запястье и прикрикнула:

– Ты должна запомнить одно правило! В моем доме все делают то, что я говорю, и без возражений. Пока ты здесь живешь, ешь за моим столом, носишь одежду из моего сундука, ты будешь этому правилу следовать. А теперь сиди спокойно! Я не могу потратить на тебя целую вечность. Кто знает, может, там опять все вверх дном, пока меня нет!

Элизабет сидела вытянувшись, словно струна, пока Эльза красила ей губы и щеки, затем проследовала за хозяйкой в большой дом. Там действительно было шумно. Элизабет насчитала за столом шесть мужчин, они пили и играли в кости. Из девушек остались только Жанель, Эстер и Грет. Элизабет опустила взгляд на сдвинутые на полу матрацы. Анна сидела на них на корточках. У мужчины, который тоже опустился на колени сзади нее, видно было только ноги в узких брюках, натянутых до гульфика, и низ камзола. Все остальное исчезло под платьем Анны, которая, широко раздвинув колени, двигала задом туда-сюда, хихикала и время от времени вскрикивала. Из-под ее платья раздавались странные звуки. У Элизабет подкосились ноги, и она опустилась на лавку, не в силах отвести взгляд. Ее щеки горели и без краски мадам.

– Тише там! – закричал один из сидящих за столом. – Ты выводишь меня из себя! Как мне сконцентрироваться на игре?

Остальные засмеялись. С постели Элизабет за ширмой раздались ритмичные тяжелые вздохи, а с другой стороны смех и стоны.

– Да, я тоже весь горю, – сказал другой гость, по всей видимости, богатый бюргер. – Мне тесно в штанах!

Мадам положила руку ему на плечо.

– В таком случае вам следует расслабиться. Могу я вам предложить Грет с огненными волосами или лучше Жанель с огненным темпераментом?

Девушки улыбнулись бюргеру. Но мужчина в узких ярких штанах и коротком парчовом сюртуке с меховой каймой посмотрел на Элизабет.

– А это кто? Она новенькая? Не припоминаю, чтобы я ее здесь видел.

Элизабет почувствовала, что ей сейчас станет плохо, и, прижав руку к животу, выбежала.

– Она больна? – поинтересовался бюргер и подозрительно посмотрел на двух подошедших девок.

– Ничего страшного, – ответила мадам. – Расстройство желудка. Она вам не подойдет. Итак, кого я могу вам предложить? За обычную плату можете взять двоих.

– Знай меру, – засмеялся его товарищ, которому улыбнулось счастье выиграть три игры подряд. Его партнер по игре печально подвинул к нему стопку пфеннигов.

– Если ты будешь так тратить, то не сделаешь своей жене пацана, а он ей очень нужен!

Гости засмеялись. Всем было известно, что у богатого пекаря было четыре дочери, и поэтому, напившись, он рвал на себе волосы.

– Мне достаточно одной. Благодарю, мадам, – ответил пекарь Экен, показав свои плохие зубы. – Не то чтобы у меня достоинство не выросло, – подчеркнул он, – просто нужно

попридержать монеты! Что такого мне могут предложить две бабы, чего не может предложить одна?

– Молодец! – расхохотался сидящий с краю Гербер, хлопая себя по бедру. – Твоя жена может гордиться тем, что отхватила такого бережливого супруга.

– Я подумывал о вине.

Гости снова засмеялись.

– И? – поторопила его мадам, подняв брови.

Пекарь еще раз посмотрел на двух ждавших его решения девок и в конце концов выбрал Грет.

– Я беру рыжую.

Грет сделала книксен и повела его к ближайшей свободной постели. Там она опустилась перед ним на колени и помогла расстегнуть штаны и снять гульфик. Все остальные сосредоточились на вине и игре в кости.

Хотя пекарь только что хвастался, что смог бы осчастливить двух девушек, Грет вынуждена была помочь ему руками, пока его мужское достоинство не поднялось настолько, чтобы он смог овладеть ею. Возможно, он много выпил, но Грет это не волновало. Главное, он быстро кончил, и она смогла вручить Эльзе монеты. Чем больше клиентов она обслуживала за ночь, тем меньше становился ее долг. Так, во всяком случае, ей объясняла Эльза.

Элизабет долго сидела перед домом на траве, прислушиваясь к приглушенным звукам из дома. Ночной ветер с каждым часом становился все холоднее. Она сняла с веревки одно высохшее одеяло и набросила его на плечи. В голове было пусто, ей не хотелось думать о том, что она увидела и услышала этим вечером. Время от времени распахивалась дверь: гости уходили и приходили новые, которых радостно приветствовали. Когда почти все гости разошлись, в доме стало спокойнее. Колокол церкви Святой Гертруды давно пробил полночь, когда мамочка наконец нашла время посмотреть, где ее сбежавшая протеже.

– Ах вот ты где! Пойдем в дом или ты хочешь здесь до смерти замерзнуть?

Элизабет, уклонившись, скрестила руки на груди.

– Благодарю, у меня есть одеяло и мне не холодно. Все ли мужчины ушли?

– Там еще двое, но они тебя не съедят, – интонация мадам выдавала раздражение, – поэтому вставай и не порти мне платье, валяясь на траве!

Девушка неохотно встала.

– Пойдем, уже поздно. Мне нужно выпроводить еще двоих, пока не пришел палач.

Элизабет последовала за ней, но остановилась у двери. Мадам напомнила последним клиентам, что пора собираться домой, однако прошло немало времени, прежде чем мужчины привели свою одежду в порядок и опустошили кубки с вином. Эльза собрала последние монеты в кошель и отправила девушек спать. Эстер вышла за одеялами, остальные прямо там, где сидели или стояли, начали развязывать тесемки и снимать одежду, бросая на пол. Зевая, они ложились на матрацы и укрывались одеялами с головой.

Элизабет остановилась перед растерзанной постелью, еще теплой от чужих тел и неприятно пахнущей. На простыне виднелось два влажных пятна. Ей было страшно лечь туда.

– Я сказала, быстро спать! Это касается и тебя, Элизабет! Или ты хочешь узнать, насколько твердой может быть моя рука?

Мадам, не церемонясь, развязала ей шнуровку и сдернула платье. Она толкнула девушку в спину так, что та потеряла равновесие. Элизабет пристроилась на краю постели, натянув одеяло до груди. Мадам еще раз прошла по кругу и посмотрела на всех своих девочек. Она поставила возле двери ведро на случай, если кому-то из них ночью нужно будет справить нужду, и вышла, закрыв за собой дверь.

В то время как девушки одна за другой засыпали и звуки ночи сменялись храпом, шорохом и бормотанием, Элизабет не могла успокоиться. Солома колола, суставы ныли, но ей было противно перевернуться на другой бок. Перед глазами у нее стояли картинки этого вечера, в ушах звучали голоса. Нет, это ужасно! На рассвете Бог, должно быть, отвернется от этого греховного места. И Пресвятая Дева тоже! При одной только мысли, что Богородица видела происходящее здесь сегодня вечером, ее щеки горели от стыда! Она не могла и не хотела больше это терпеть. Элизабет решила еще до наступления следующего вечера покинуть дом. Хотя она не знала, куда ей пойти и к кому обратиться, здесь девушка оставаться больше не могла!

Ночью ей приснился сон. Она стояла возле винтовой лестницы. Вокруг было темно, но все же ей удалось разглядеть впереди в коридоре узкую полоску света из-под двери. Элизабет разулась и медленно пошла босиком. Пол коридора, выложенный камнем, охлаждал ее стопы. Факелы в железных держателях на стенах потухли. Ей хотелось быстрее дойти до конца коридора, где на полу блестела золотая полоска света, но чем больше она старалась, тем дальше казалась дверь. Ее ноги наливались свинцом. Она протянула руки вперед. Элизабет понимала, что все зависит от того, дойдет ли она до двери. С нее градом катился пот, дыхание становилось все громче. Нет! Она должна идти тихо. Сердце выбивало барабанную дробь.

Глава 4

– Мамочка, я хотела бы с тобой попрощаться, – обратилась Элизабет к мадам после завтрака.

– Прощаться? – Эльза подняла брови. – Что за бред? Куда ты собралась?

Элизабет пожала плечами.

– Еще не знаю, но здесь я оставаться не могу. – Она заметила, как другие девушки прекратили работать и уставились на нее.

– Ты не можешь остаться? – переспросила Эльза. – Я считаю, ты не можешь уйти!

– Почему?

– Я тебе покажу. Сиди здесь и не двигайся!

Мадам пошла по тропинке в свой домик. Элизабет удивленно посмотрела ей вслед, но послушаться не посмела. Ей не пришлось долго ждать возвращения мадам. Эльза швырнула стопку пергамента на стол. Вверху на каждой странице было написано имя, ниже – столбцы с цифрами, некоторые листы были надорваны по краям, другие в пятнах.

– Знаешь, что это?

Элизабет покачала головой и наклонилась вперед, чтобы разглядеть в темноте. Эльза прижала верхний лист, подписанный «Грет», указательным пальцем с грязным ногтем.

– Это долговые листы, в которые я вношу все, что каждая из вас получает от меня и сколько должна вернуть, прежде чем уйти без моего согласия.

Элизабет начала читать: одна пара обуви – сорок пфеннигов, новая рубашка из желтой ткани – двадцать два пфеннига, теплые зимние чулки – двенадцать пфеннигов. Список, очевидно, был бесконечным. Были посчитаны также еда за каждую неделю, постель, иногда кусок мяса или мед и один раз посещение банщика. Рядом было написано количество пфеннигов, которые Грет, по всей видимости, заработала и которые были вычтены из ее долга. Пальцы Элизабет скользили по столбцу. Другие девушки подошли и с любопытством выстроились вокруг стола.

– Рубашка двадцать два пфеннига? А одна пара обуви сорок пфеннигов? – Элизабет удивленно подняла брови. – Эта обувь? – спросила она и указала на простые башмаки Грет.

Мадам кивнула и попыталась вырвать лист из рук девушки, но Элизабет отодвинулась, оказавшись вне пределов ее досягаемости.

– Это очень дорого. Такая обувь стоит не больше двадцати, максимум двадцати пяти пфеннигов, а рубашка, если она не шелковая, не больше пятнадцати пфеннигов!

– Ах, кажется, тебе все хорошо известно, только ты ничего не помнишь! – фыркнула мадам.

Странно, но Элизабет была уверена, что ее подсчеты верны, даже если она не могла сказать, откуда ей это известно.

Сидевшая рядом с ней Мара кивнула, а Жанель тихо сказала:

– Я всегда это говорила, но толку?

– А здесь вы просчитались: двадцать шесть минус двенадцать будет четырнадцать пфеннигов долга, а не восемнадцать! – Элизабет коснулась пальцами листка. – Если вы переведете три шиллинга в пфенниги, то получится восемнадцать пфеннигов долга, а не двадцать два!

– Она умеет читать, – заметила Анна.

– И даже считать! – удивленно воскликнула Жанель.

– Я всегда знала, что с ней что-то не так, – недовольно сказала Марта.

Эльза выхватила листок из рук Элизабет.

– Не рассуждай о делах, в которых ничего не смыслишь! – крикнула она. – И не смей подстрекать моих девочек. Долговые листки веду я, и все, что там записано, правильно!

Порывшись в стопке, она извлекла довольно чистый и не сильно помятый лист.

– Для тебя намного важнее, что написано на этом листе, потому что это твои долги, и ты должна их отработать. Если ты против, я передам тебя палачу. Он будет держать тебя в башне, пока ты не изменишь свое мнение.

У Элизабет внутри все оборвалось. Она взяла на удивление длинный список для двух дней, проведенных в этом доме. Рубашка и простое платье, вчерашнее платье, чулки и обувь, еда, ее доля за лучины и масляные лампы, постель и, конечно же, монеты, заплаченные банщику, причем она даже представить себе не могла, за что он так много потребовал.

Девушка медленно подняла голову, в глазах мадам светилось торжество.

– Я верну тебе твои деньги, обещаю! Я найду способ достать их. Ты можешь мне верить.

Эльза язвительно усмехнулась.

– Слова существа без семьи и прошлого недостаточно. Нет, моя голубка, ты останешься здесь, пока не рассчитаешься со своими долгами. Затем можешь делать все, что хочешь.

Собрав бумаги, Эльза унесла их в свой домишко. Элизабет осталась уныло сидеть за столом, обхватив голову руками.

Чем ближе подходил вечер, тем сильнее билось ее сердце, ладони вспотели, а рубашка под мышками стала влажной. Страх окутывал Элизабет, словно туман. Она растерянно осмотрелась, когда девушки начали раскладывать свои наряды для ночи. Грет подошла к ней с пестрым платьем в руках.

– Надень это. И я не советую тебе злить мадам. Она еще бережно с тобой обходилась, но боюсь, скоро потеряет терпение.

Элизабет замялась, но решила послушаться и предалась сильным, но грубым рукам Грет. Жанель причесала ей волосы и накрашила губы.

– Ты прекрасна, – сказала она удивленно, и хотя Элизабет этому противилась, ей было приятно.

Вскоре появились первые гости, и началось веселье. Как и вчера, девушки угощали их вином и хлебом, шутили, играли в кости и снова и снова отправлялись на кровать или матрасы. Постоянно проигрывавший жирный горожанин, усадив Мару себе на колени, задрал ей платье и свой камзол и расстегнул штаны. Прежде чем взяться за зад Мары, он опустошил свой кубок. Через время, закрыв глаза, он пробурчал себе что-то под нос и ненароком столкнул пустой кубок на пол.

Элизабет сидела в темном углу на лавке, стараясь не отрывать взгляд от пола, не реагируя ни на слова, ни на звуки. И ей это практически удалось, но один гость, одетый несколько неряшливо, к которому мадам тем не менее обращалась не иначе как «господин», подошел к Эльзе и указал на блондинку в темном углу:

– Дай мне новенькую с белокурыми волосами. Кажется, ей грустно. Я точно ее развею! – Он порылся в кошельке.

– Я не знаю, подойдет ли она вам, – нерешительно покачала головой хозяйка.

– Почему?

– Ну, скажем так, она слишком молода.

Клиент удивленно уставился на Элизабет.

– Мне кажется, она постарше Анны, и уверяю тебя, у нашей хорошей девочки получится завести мужчину.

– Ну... – Эльза подбирала слова. – Как вы смотрите на тот факт, что у нее еще не было мужчин?

Мужчина ухмыльнулся.

– Девственница в твоём доме? Ты шутишь, Эльза!

– Клянусь вам, рыцарь фон Танн! Когда я в воскресенье ее осматривала, все так и было, а с тех пор я не спускаю с нее глаз.

– Значит, даже невидимый демон не приложил к ней руки! Но, мадам, разве не запрещено предлагать девственниц?

– Разве я вам ее предлагала? Не припоминаю такого. Это вы ее жаждете, но я не давала согласия, – уточнила хозяйка борделя.

Лицо мужчины расплылось в широкой ухмылке.

– Ах, Эльза, мы знаем, в чем твое слабое место, не так ли? – Он развязал кошель, и монеты зазвенели. – Сколько? Но учти, я делаю тебе одолжение. После этого у тебя в доме не будет девственницы и ты сможешь спокойно ожидать визит палача.

– Ах да, – ехидно улыбнулась мадам, – вы берете на себя неприятное бремя, чтобы сделать мне одолжение?

Фон Танн покачал головой.

– Нет, такого я не говорил. Я бы не решился так дерзко врать. Список прегрешений, в которых мне в воскресенье нужно исповедаться, уже достаточно длинный. Поэтому мне не нужно вешать на себя еще одну ложь. Хватит церемоний, называй цену!

– Три шиллинга, – выпалила Эльза.

– Ты жадная баба, – скривился дворянин. – Два шиллинга и два пфеннига, и не монетой больше!

– Если вы заплатите три, то сможете пойти в мой дом, – предложила Эльза. – Там вам никто не помешает, и я обещаю, что через полчаса я не буду торопить вас домой.

Мужчина достал из кошелька три шиллинга и положил их в руку мадам.

– И принеси мне кувшин вина.

Элизабет вжалась в стену, но ее это не спасло. Клиент схватил ее за руку.

– Ну, пойдем, не ломайся, – сказал он приветливо и потащил девушку в дом напротив.

Элизабет словно парализовало. Кровь стучала у нее в ушах, и только одна мысль билась в голове: «Это неправильно! Так нельзя!» Рыцарь фон Танн увлек ее по тропинке, словно тряпичную куклу, к дому Эльзы Эберлин. Оказавшись внутри, он отпустил ее руку, зажег масляную лампу и отнес девушку за перегородку, где стояла кровать. Повесив лампу на держатель, он упал на матрац.

– А мадам удобно спит, – протянул он, глядя на Элизабет, которая до этого момента даже не шевельнулась. – Иди сюда, не робей.

Широко открытые глаза девушки в свете пламени напоминали зеленые лесные озера. Вздохнув, фон Танн подошел к ней и положил руки на талию.

– Ну, иди сюда, ты могла бы быть и поласковее. Мне это стоит три шиллинга!

Он поцеловал ее в губы и попытался просунуть язык сквозь ее зубы. Элизабет укусила его. Завопив от боли, мужчина отскочил назад, а Элизабет закричала. Прижавшись к стене, она кричала так пронзительно, что звенело в ушах.

– Заткнись, идиотка, – приказал он, прижимая руку ко рту и чувствуя вкус крови.

Элизабет не умолкала.

– Да успокойся ты, наконец, – промычал он и залепил ей пощечину, но она все равно продолжала кричать.

В этот момент дверь распахнулась и вошла мадам с кувшином вина.

– Я хотела посмотреть, все ли здесь... – она окаменела. – Нет, здесь не все в порядке!

Рыцарь фон Танн упал на кровать, закрыв уши от крика.

Мадам осторожно поставила вино на стол и приблизилась к девушке.

– Немедленно прекрати орать, – прошипела она.

Элизабет прикрыла рот рукой и уставилась на хозяйку дома так, будто та появилась из кошмарного сна.

– Что это тебе вздумалось?! – завопила Эльза.

– Она прокусила мне язык! – пожаловался клиент. – Я бы предпочел отказаться от таких сюрпризов!

Эльза сняла со стены ремень.

– Рыцарь фон Танн, вы хотите ее наказать?

Тот покачал головой.

– Я предоставляю это тебе. Я пришел сюда, чтобы упасть в нежные женские объятия, а не избивать до крови. Пришли мне кого-нибудь, кто меня не укусит и не даст по яйцам.

Эльза поклонилась.

– Господин фон Танн, мне очень жаль, что мы доставили вам неприятности. Я все улажу и позабочусь о том, чтобы эта ночь вам приятно запомнилась.

– Надеюсь, все закончится хорошо и для меня, и для тебя! – ответил он, и Эльза была не так глупа, чтобы не услышать в его словах угрозу.

– Минуточку. Выпейте пока, это поможет вам забыть о боли. Я принесу еще вина из виноградников Вюрцбурга.

Она схватила Элизабет за запястья и с силой потащила за собой к двери.

– Стой здесь и жди меня. Мне нужно подумать, как выбить из тебя эту дурь.

Подобрав юбку, она побежала в бордель. Элизабет слышала, как она громко звала Грет и Марту:

– Смотрите, чтобы он был доволен и не захотел забрать свои монеты назад! Господин мог бы натравить на меня палача, если бы захотел! Марта, улыбнись! Когда ты улыбаешься, то становишься такой же красивой, как Лиза. Вероятно, ему больше нравятся блондинки. Грет, смотри, чтобы он побыстрее забыл этот случай. Я надеюсь на вас!

Эльза завела в дом двух шлюх и закрыла за ними дверь. Затем вернулась к Элизабет, в ее правой руке был ремень.

– А теперь ты, неблагодарная дрянь! Как ты додумалась обидеть и укусить такого благородного господина? Я подобрала тебя полумертвую, одела, дала тебе пищу и кров, а за это ты хочешь меня погубить? Пришло время понять, что у тебя лишь два пути: палач и башня или жизнь здесь, в моем доме, где ты прилично себя ведешь и следуешь моим указаниям. Ничего не бывает бесплатно, поэтому ты отработаешь мне долги.

– Он меня поцеловал, и это было так омерзительно! – прохныкала Элизабет.

– Не в твоём положении привередничать. От таких чувств, как отвращение и омерзение, тебе следует сразу отвыкнуть. Так будет легче. Клиент должен быть доволен и хотеть вернуться. Это твоя задача, которую ты должна выполнить как можно лучше. Ты поняла меня?

Элизабет молча кивнула.

– Мне придется вбить тебе этот урок, чтобы ты его не забыла.

Она дернула тесемки платья и стянула его вместе с рубашкой до пояса.

– Повернись!

Просвистев в воздухе, ремень полоснул по спине. Элизабет застонала и закусила губы до крови, слезы катились по ее щекам. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока мадам не опустила ремень.

– Надеюсь, тебе запомнится это надолго. Некоторое время тебе будет больно, но шрамов не останется. Кожа треснула только в нескольких местах. Жанель нанесет на ссадины мазь. Я всегда слежу за тем, чтобы не изувечить своих девочек при наказании. Ни бюргеры, ни дворяне не хотят видеть в своей постели тело со шрамами. Тем, кого это возбуждает, здесь

не место. Такие мужчины, как пороховая бочка, к которой поднесли факел. Если недосмотреть, они принесут много неприятностей.

Эльза указала рукой в сторону борделя.

– А теперь ложись в постель и до утра не двигайся с места. Завтра вечером я хотела бы видеть тебя более услужливой.

Элизабет надела рубашку и платье и, пошатываясь, пошла к борделю. Эльза еще раз заглянула в свой домишко и довольная последовала за ней. Очевидно, в ее постели все было в наилучшем виде, Марта и Грет выполняли свою работу как следует.

Элизабет проскользнула в свою постель, скрытую от взглядов посторонних ширмой. Прямо в одежде она легла на живот и укрылась одеялом с головой, чтобы никто не видел, как она плачет от боли и стыда, от смущения и одиночества.

Весь следующий вечер и всю ночь, пока последние клиенты не попрощались, Элизабет ждала и боялась, что мадам подойдет к ней и поведет к одному из мужчин, но этого не произошло. Ее спина все еще болела от ударов, плечи были напряжены, голова раскалывалась. За столом она сидела бледная с темными кругами под глазами.

– Ты ужасно выглядишь, – сказала Марта и вызывающе отбросила свои длинные светлые волосы на спину. – Еще пара дней, и тебя даже слепец не захочет.

– Ах, неужели я слышу в твоем голосе облегчение? Кто-то боится потерять звание самой красивой в нашем борделе? – съязвила Грет.

– Что за бред, – фыркнула Марта. – Она мне точно не конкурент!

– Я считаю, что она красивая, – защитила свою соседку по столу Жанель и погладила ее по слипшимся локонам. – Она еще освоится. Правда, Лиза? Чуть позже я помою тебе волосы, и когда мы сегодня вечером нанесем под твои глаза немного пудры, никто даже не посмотрит на эту злюку!

Она показала Марте язык. Та в ярости попыталась ударить Жанель под столом по ноге. Однако француженка знала свою противницу и давно держала ноги на безопасном расстоянии. Элизабет слегка улыбнулась. Ей вовсе не хотелось быть красивой, и она бы все отдала, чтобы мужчины не уделяли ей внимание, но так как она не хотела обижать милую Жанель, то позволила ей вымыть ее волосы и расчесать их, пока они не начали блестеть.

Была практически полночь, когда рыцарь фон Танн снова пришел в бордель.

– Ну что, уважаемый рыцарь, – приветствовала его сияющей улыбкой Эльза. – Хотите еще раз попробовать? Я приберегла ее для вас.

Клиент с сомнением посмотрел на Элизабет, которой хотелось провалиться на месте или стать невидимой. В свете пламени цвет ее лица выглядел лучше, а волосы отливали золотом. Она казалась очень хрупкой, ее зеленые глаза были широко открыты.

Фон Танн не мог решиться.

– После этого я лишусь уха или произойдет что-нибудь похуже?

– Ну что вы, сегодня она доставит вам истинное наслаждение. – Хозяйка взглянула на Элизабет, чтобы убедиться, что та все слышала.

– Хорошо, мадам, но в этот раз я заплачу потом. И повторяю, если мне не понравится, то это отразится на заведении!

Хозяйке не удалось скрыть недовольство на лице. И насколько Элизабет успела узнать мадам, такие слова Эльзе Эберлин хотелось слышать меньше всего. Если клиент на нее пожалуется и уйдет, не заплатив, расплачиваться за это будет Элизабет, а не этот знатный дворянин. В таком случае ярость Эльзы будет настолько большой, что она уже не будет думать о том, чтобы оставить ее кожу невредимой. У Элизабет пересохло в горле, она сделала реверанс и протянула мужчине руку.

– Ты опять будешь кусаться, если я тебя поцелую? – спросил он, стоя с ней перед кроватью Эльзы. Элизабет покачала головой. Она чуть было не задохнулась, но все же постаралась держать рот открытым, пока фон Танн своими губами прижимался к ее губам и своим языком касался ее языка. Его руки, скользя по ее спине, опустились ниже.

– Ты такая сладкая, – простонал он. – Грех не задрать тебе платье и не удовлетворить потребность. Я не знаю, смогу ли я сегодня уступить мадам ее постель.

Он рассмеялся. У Элизабет на глазах выступили слезы. Чтобы отвлечься, она начала рассматривать мужчину, который как раз занимался тесемками, раздевая ее.

Дворянин не выглядел отталкивающе. Ему было лет тридцать, и дома, в замке, или где он жил, его, конечно же, ждали жена и дети. У него были серые глаза, кривой нос и тонкие потрескавшиеся губы. Подбородок и щеки были тщательно выбриты, каштановые волосы ровными прядями упали на плечи, после того как он развязал ленту.

И вот обнаженная она стояла перед ним. В его глазах сверкало нарастающее желание, вытерпеть которое и не отшатнуться Элизабет могла, только собрав все свои силы. Филипп быстро сорвал с себя одежду. Разумеется, он регулярно тренировался в ходе сражений на мечах, что уже не одно столетие являлось обычным делом для рыцарей, поэтому на его руках и ногах отчетливо проступали мускулы, а живот не заплыл жиром. Его грудь была слегка покрыта волосами, а выпрямившийся член выступал из куста коричневых кудрявых волос. Фон Танн прижался к ней своим горячим от страсти телом, целуя уши и шею, затем наклонился и сжал зубами сосок. У Элизабет все онемело от страха. Она боялась, что он хочет укусить ее, отомстив за причиненную травму. Но он только поиграл языком и зубами, его дыхание участилось.

– Я больше не выдержу, – прошептал он, – ты роскошная девушка. Я хочу тебя!

Филипп ухватил ее за бедра и, подтолкнув, упал рядом.

– Покажи мне свой девственный грот, прежде чем я им овладею, – тяжело дыша, попросил он.

Даже если бы она попыталась сжать бедра, против таких сильных мужских рук у нее не было никаких шансов. Он с легкостью раздвинул бедра Элизабет, вцепившейся руками в одеяло. От страха она зажмурилась и задержала дыхание. Его рука скользила по внутренней стороне ее бедра, приближаясь к промежности.

– Какие нежные белокурые волосы! – вздохнул он, взъерошив их. Большим и указательным пальцами он раздвинул ее половые губы.

– Вот оно, старательно оберегаемое сокровище девственниц.

Что-то шероховатое, влажное и горячее проскользнуло между ее половыми губами. Это был его язык? Элизабет не могла решиться открыть глаза. Она старалась дышать равномерно. В желудке у нее урчало и все переворачивалось. О Господи, ее не может сейчас стошнить. Он ей этого не простит, следовательно, не заплатит и пожалуется мадам. А та в свою очередь будет свирепствовать и накажет ее.

Элизабет не заметила, что он снова поднялся, пока его дыхание не опалило ей ухо. Губы Филиппа снова прижались к ее губам, затем он начал раскачиваться на ней, прогибая матрац. Коленями он раздвинул ее ноги немного шире и одним толчком вошел в нее. Мужчина застонал, а Элизабет вскрикнула и широко открыла глаза. Его лицо было плотно прижато к ее лицу, он покрывал его поцелуями, быстрыми движениями проникая в нее. У нее внутри все горело, словно раскаленные угли, казалось, что он в любую минуту может раздавить ее своим весом.

– Ах, я не могу больше, – простонал Филипп и приподнялся.

Она почувствовала, как его член судорожно вздрогнул в ней и все его тело обмякло. Мужчина упал на нее и удовлетворенно вздохнул.

Он лежал так некоторое время. Элизабет боялась задохнуться, так крепко он прижал ее своим телом к матрацу. Он спал? Это было нормально? Ей было больно дышать, но она не решалась его отодвинуть – даже если бы ей это удалось.

Внезапно в него снова вернулась жизнь и он скатился с нее. Расслабленно положив голову на руки, он посмотрел на Элизабет.

– Боюсь, я должен буду расстаться со своими монетами, – сказал он и ухмыльнулся.

Элизабет откашлялась.

– Значит... значит, вы остались мной довольны? – ее голос звучал слабее и выше, чем обычно.

– Ну да, для начала...

Элизабет потянулась за своей рубашкой, но он крепко взял ее за запястье.

– Нет, останься так. Ты прекрасно выглядишь.

Он встал, его хозяйство теперь было маленьким и висело сморщившись.

– Хочешь вина?

Филипп налил полный кубок и, сделав глоток, протянул его Элизабет. Ей было тяжело глотать. Ее влагалище все еще горело. Она осмотрелась. На матраце появилось два пятна: крови и какой-то вязкой белесой субстанции. У нее между ног струился красноватый ручеек.

Элизабет побледнела.

– О нет, она рассердится. Что же мне теперь делать?

– Не переживай, – махнул он рукой. – Мадам это не огорчит. Она бы забеспокоилась, если бы крови не было.

– Я могу теперь идти? – решила спросить Элизабет.

– Идти? Ну уж нет. Давай выпьем немного вина. Я чувствую новую волну возбуждения. Я снова тебя хочу. В этот раз я возьму тебя сзади! Да, стол отлично для этого подойдет.

Она беззвучно открыла рот и снова его закрыла. Не сопротивляясь, Элизабет последовала за ним на кухню. Его рука прижала ее грудью к столешнице. Затем она почувствовала боль, и у нее появилось ощущение, что он порвет ее на кусочки. Элизабет не могла сдерживать струящихся по щекам слез. В этот раз он начал с вращательных движений, его дыхание учащалось, проникновения становились все глубже. Его руки обхватили ее обнаженные ягодицы. При каждом толчке ее живот скользил по шероховатой поверхности стола и наверняка был в занозах.

Как долго это может продолжаться? В этот раз ему понадобилось намного больше времени, прежде чем он вздрогнул и ослабел. Филипп отступился, наклонился вперед и поцеловал ее ягодицы.

– Роскошная женщина! Клянусь, мы с тобой забавляемся не в последний раз.

Это было уже слишком! Ее тело содрогнулось от приглушенного плача. К счастью, в этот момент вошла мадам и подала рыцарю вина.

– Ну? – спросила она, сияя.

Без капли стеснения дворянин стоял перед ней голый и пил вино.

– Даже если бы мне было жаль моих монет, – сказал он, – я все равно бы тебе их заплатил.

Эльза ухмыльнулась и кивнула Элизабет, украдкой вытиравшей слезы.

– Иди возьми свою одежду и быстро спать. – Повернувшись к рыцарю, она жестом извинилась. – Палач уже приходил предупредить меня, что в это время никому нельзя находиться за пределами своего дома. Вы последний клиент, и я должна попросить вас уйти.

Филипп фон Танн знал, что совет установил строгие правила для борделя и палач следит за тем, чтобы они соблюдались. Сварливую мадам он не боялся, но с палачом ему связываться не хотелось. Прежде всего, потому что всегда считалось благоразумным держаться подальше от человека, которого окружает бесчестность. Само прикосновение палача к дво-

рянину могло обесчестить последнего. Люди были не так глупы, чтобы опрометчиво затевать с ним спор. Филипп невольно чувствовал уважение к этому исполнительному слуге кровавого суда. Если бы он не родился в семье палачей, кто знает, вероятно, он мог бы стать влиятельным советником при епископе.

Рыцарь неторопливо оделся, положил в протянутую руку мадам три шиллинга и, кивнув ей, растворился в ночи.

Эльза вернулась в бордель, чтобы еще раз посмотреть, все ли там в порядке, загасить лампу и закрыть дверь. Большинство девушек спали. Как обычно, на полу царил ужасный беспорядок из небрежно брошенных вещей, подушек и пустых винных кубков. Мадам была выше этого, ее это не беспокоило. Девушки все уберут утром.

Эльза подошла к кровати у стены. Элизабет выпрямившись сидела на одеяле, уставившись прямо перед собой. Казалось, что она ничего не видит. Ее взгляд растворился в пустоте комнаты. Вздыхнув, мадам села возле нее.

– Всегда можно посмотреть на ситуацию с разных сторон, – сказала она. Элизабет не отреагировала, но Эльза была уверена, что та ее слышит. – Теперь ты можешь роптать на судьбу и обваливаться в своем несчастье, как свиньи пекаря в грязи. Плачь! Скоро твоя красота увянет и разум помутится. И вот тогда ты поймешь: только ты одна выбрала для себя такую медленную смерть. Ты сломала свою жизнь и умерла еще до того, как умерло твое тело. Но ты можешь занять место, на которое тебя привел Господь. Ничего не происходит без его воли! Ты будешь делать неприятные тебе вещи без воплей и стонов, выполняя свою работу, как обычный ремесленник или служанка. Посмотри на других девочек. Они смеются, бранятся, но не спорят с Богом и не жалуется на судьбу. У тебя есть выбор! Послушай старую женщину, проводшую здесь больше лет, чем ты живешь на этом свете. Боль пройдет, и ты к этому привыкнешь, если примешь это.

Она ласково похлопала Элизабет по руке, тяжело встала и пошла к двери. Последняя лампа погасла. Ключ проскрипел в замке, дом терпимости погрузился в темноту. Вопреки воле Элизабет в ее голове звучали слова мадам: «Умри или живи! Сломайся или привыкни – у тебя есть выбор!»

Глава 5

Мадам оказалась права. Когда весна близилась к концу, Элизабет уже привыкла к жизни в борделе. И хотя она обслуживала клиентов равнодушнее, чем другие девушки, которые иногда даже получали удовольствие от общения с мужчинами, теперь она не испытывала былого отвращения от прикосновения к ним и запах их липких выделений больше не провоцировал у нее рвотные позывы. Она позволяла себя целовать и гладить свою грудь, сохраняя при этом приветливое выражение лица. Элизабет даже научилась улыбаться, хотя и неискренней улыбкой, не согревающей сердце и душу. Она делала то, что приказывала мадам, и лишь иногда чувствовала боль, когда мужчины проникали в нее. К счастью, Элизабет в основном обслуживала только одного клиента за ночь, хотя другим девушкам приходилось три или даже четыре раза подчиняться похоти мужчин. Утром за завтраком они выглядели больными и жаловались. Эльза давала им мазь и, недолго выслушав жалобы, призывала к порядку своих протеже.

– Это ваше место, и вы должны выполнять свои обязанности. Неужели вы думаете, что ремесленники или виноградари на работе мед пьют? Или прачки и служанки? Что им не бывает больно? Многие света белого не видят, им даже есть нечего! А у вас достаточно еды, есть крыша над головой, вы не мерзнете. Так что прекращайте причитать!

На следующий день мадам позвала к себе Элизабет и дала ей маленькую губку и закупоренную глиняную бутылочку. Вынув пробку, Элизабет почувствовала знакомый резкий запах уксуса и трав.

– Что это?

– Надеюсь, это поможет тебе избежать беременности.

– Что?

Только сейчас Элизабет вспомнила об этой опасности. Пастор предупреждал, что последствием греха могут быть дети. Почему у людей все не так, как у животных? Только потому, что они вершина божьего творения?

– Каждый вечер ты будешь смачивать губку жидкостью из бутылочки и вставлять ее во влагалище так глубоко, как получится.

На глаза Элизабет навернулись слезы.

– В этом нет ничего страшного! Моли Бога, чтобы ты еще не была беременна, иначе все будет намного сложнее и опаснее для твоей жизни. Я несу ответственность за тебя и за других девочек, и я должна следить за тем, чтобы с вами ничего не случилось. Разве ты хочешь забеременеть от одного из этих мужчин?

Элизабет провела ладонью по лицу и тяжело вздохнула.

– Нет, – сказала она.

– Ну, тогда следуй моим указаниям и не забывай об этом. Прежде чем лечь спать, ты можешь достать губку и помыть ее. Поняла?

Элизабет кивнула, хотя при одной только мысли об этом ей стало плохо. Наконец она вспомнила запах. Он ударил ей в нос, когда она впервые проснулась в борделе, потому что старые простыни пропитались им. Грязные простыни источали этот запах, перемешанный с другими, принадлежащими посторонним мужчинам.

Она быстро закрыла бутылочку. С отвращением повертела губку в руках, убрала ее в маленькую коробочку, выданную для ее вещей.

Эльза ласково похлопала ее по щеке.

– Выше нос, моя девочка. Все не так мрачно, как тебе кажется. А теперь улыбнись, и пусть Жанель немного накрасит тебе щеки. Ты не должна выглядеть как смерть, когда придут

наши гости. Я подыщу тебе такого, который не будет слишком много от тебя требовать. Ты справишься!

Мадам была так изворотлива, что ей удавалось не сломить Элизабет. Она держала ее в поле зрения и не поручала клиентов с необычными предпочтениями. Она понимала, что если на Элизабет слишком давить, то душа ее закроется и останется только красивая женственная оболочка, готовая выполнять приказы, но не способная по-настоящему жить. Это было не то, что здесь искали мужчины. Безучастные в постели бабы, с мрачным видом пялящиеся в потолок, у них есть и в собственных спальнях. И когда они после напряженного рабочего дня приходят в бордель, то хотят выпить и поиграть, посмеяться и пошутить, немного пошалить, как дети, и – проявив во всей полноте свое желание – убедиться в том, что они также доставили девушкам наслаждение и заплаченные за это восемь пфеннигов стоили того.

Вскоре Элизабет стала относиться к мадам с уважением и без неприязни. Она изучила ее сильные и слабые стороны и научилась вести себя так, чтобы не вызывать гнев хозяйки, с легкостью дающей волю своим рукам – в ярости ей ничего не стоило схватить ремень или кнут. Другие виды наказаний заключались в том, что девушки лишались еды или должны были ночью спать на полу без одеяла. Однако Эльза была настолько практична, что не налагала такое наказание в морозные зимние ночи. Какая ей польза от простуженной шлюхи?

Рыцарь Филипп фон Танн, лишивший Элизабет невинности, снова и снова приходил к ней, когда бывал в городе. Иной раз, насытившись ею, он еще долго сидел с ней, попивая вино, и рассказывал о своих трудностях с многочисленными кредиторами, о ссорах в семье и о замке, в котором вырос.

– Только не думай, что я, как наивная девчонка, тоскую по старым стенам замка Майнунген, – сказал он однажды вечером.

Элизабет надела рубашку и села возле него с вином.

– Почему вы покинули замок? Разве вы не сможете туда вернуться, когда почувствуете, куда зовет вас сердце? – Девушка тяжело вздохнула: если бы она только знала, о чем тоскует ее сердце! Она бы ни секунды не сомневалась.

Филипп засмеялся и, обняв ее, поцеловал в шею. Элизабет не отпрянула.

– Ты такой невинный ягненок. Я не могу вернуться назад, потому что у нас предательски отняли замок и город.

Элизабет удивленно посмотрела на него.

– Что? И вы знаете, кто это сделал? В нашем государстве бесчестные рыцари объединяются с разбойниками с большой дороги, чтобы нападать на торговцев и дворян. Разве вы не можете попросить о помощи епископа?

Молодой человек икнул и поцеловал ее еще раз.

– Как в это заведение попала такая наивная душа? – воскликнул он. – Самый главный разбойник это наш епископ, а его подельники с большой дороги – рыцари фон Тюнген и фон Кастель, а также графья фон Генеберг и фон Вертгейм.

– Епископ выгнал вас из вашего замка?

– Да, но не из нашего родового поместья, – добавил дворянин. – Три замка над Даном все еще принадлежат семье. У нас также есть все права на замок Майнунген. Если бы епископ придерживался хотя бы одного из своих соглашений, жители Майнунгена не приняли бы решение прекратить ему подчиняться! Епископ фон Брунн обвинил нас в том, что мы незаконно отняли у него город. Мы, господа фон Танн, дворяне старейшего франконского рода! Мой предок еще при Фридрихе Барбароссе служил гофмейстером, и вот приходит епископ, родом из убогой эльзасской семьи, и заявляет, что мы отняли у него замок и город! При

этом он заложил основную часть епископства и разбазарил деньги на охоту и банкеты. Он даже не выплатил проценты. И как он впредь может требовать повиновения?

С каждым предложением его голос становился все громче. От волнения краска ударила ему в лицо. Элизабет не знала, что сказать. Как она могла решить, кто прав? Может, причиной того, что Филипп так резко осуждал правителя Иоганна фон Брунна, была озлобленность? Девушка еще налила ему хорошего вина и села рядом.

– Как епископу это удалось, я имею в виду, как он отнял у вас замок?

– Ну как? – фыркнул Филипп, выпив. – Собрав войско, он отправил его к замку Майнунген в мое отсутствие, велел ночью взобраться по крепостной стене и открыть ворота. Воины епископа взяли под стражу моего кузена Буркхарда, его супругу и детей, а также мою сестру, как раз находившуюся в замке со своим супругом. Затем они продвинулись дальше по городу, вынудив совет открыть им ворота и выдать ключи.

Взяв его за руку, Элизабет обеспокоенно спросила:

– Ваши родственники на свободе?

Филипп кивнул.

– Да, с тех пор прошло несколько лет. Женщин он вскоре отпустил, а за мужчин вымогал приличную сумму. Замок Майнунген с городом до сих пор находится во владении епископа.

Он выпил кубок до дна и поднялся. Двумя руками он обнял Элизабет и прижал ее к себе.

– Мы долго не увидимся. Рано утром я отправляюсь в Гейсберг, – он недовольно скривился. – Старшие братья вызывают на семейный совет. Думаю, они опять подыскали мне невесту с богатым приданым, семья которой не имеет ничего против младшего сына.

Он нежно поцеловал Элизабет в губы, и она почувствовала нечто вроде сожаления.

– Сохрани эту невинность в своих глазах до нашей следующей встречи, – сказал ей Филипп на прощание.

Ночью Элизабет снова снился каменный коридор с погашенными факелами на стенах и полоска света под дверью. Она решила идти очень медленно, чтобы не издать ни малейшего звука, но и в этот раз ей не удалось продвинуться вперед. Это было сумасшествие! Чем больше она старалась, тем тяжелее ей было. В этот момент девушке хотелось все бросить. Она устала и совершенно выбилась из сил. Ей бы очутиться в теплой постели и уснуть.

Но нет, ей нужно к этой двери! Шаг за шагом она шла к цели. Сначала она слышала только свое дыхание, но затем ее ухо уловило приглушенные, шепчущие голоса. Элизабет, протянув руки, коснулась деревянной двери: старой и шероховатой. Пальцы скользнули по железному кольцу. Голоса манили ее. Невозможно было разобрать слова. Только шелест и монотонная напевная речь, будто щебетанье птички вдали. У девушки на лбу от страха выступил пот, но она прижалась ухом к двери. Однако двери больше не было. Что с ней произошло? Все растворилось в тумане. Она упала. Сон ускользнул от нее и рассеялся.

– Пойдешь со мной на Домштрассе? – как всегда, нараспев спросила Жанель на следующее утро.

– С удовольствием, если мадам не будет против.

Элизабет подняла глаза и вопросительно посмотрела на Эльзу, которая сидела на улице со своими подопечными и штопала рубашки, потому что всегда было что починить. А если не было, то можно было обшивать платья каймой.

– Я пойду с тобой! – вскрикнула Марта. Она быстро отбросила рубашку, которую как раз обшивала, на стол. – Это решено!

– Возможно, Жанель хочет пойти с нежной Лизой, а не с такой язвой, – заметила Грет. Анна украдкой засмеялась. Марта потянула Анну за каштановую косичку и пнула Грет, успевшую уклониться от удара, не поднимая глаз от шитья.

– Если ты и дальше будешь так себя вести, то вообще сегодня никуда не пойдешь! – прикрикнула мадам на Марту. – Тебе многое сходит с рук, потому что ты лучшая кобыла в моем хлеву, но и тебе я не позволю сесть мне на шею! Ты поняла меня?

Марта, бросив на нее ревнивый взгляд, опустила глаза и произнесла дрожащим голосом:

– Да, мамочка.

– Ей надо научиться держать язык за зубами, – прошептала Анна на ухо Эстер, так что Элизабет и Марта наверняка это услышали. – Она уже здесь не самая красивая. Лиза ее превзошла! Только присмотришься, как мужчины каждый вечер на нее пялятся!

Это была правда. И хотя Элизабет, конечно же, не хотела быть такой уродливой, как Эстер, ей этот комплимент был неприятен. Она не стремилась ни к тому, чтобы слишком нравиться мужчинам, ни к тому, чтобы вызывать нарастающую с каждым днем ревность Марты. Марта не упускала возможности повраждовать, от нее не ускользало даже самое мелкое прегрешение Элизабет, о которое можно было поточить свой злой язык. И, конечно же, она никогда не забывала, как бы невзначай, докладывать мадам о любом нарушении правил. Нет, от привилегии быть самой красивой шлюхой в борделе Элизабет с удовольствием отказалась бы!

– Вы можете пойти втроем, – прервала ее мысли мадам.

На лице Жанель появилось разочарование.

– Не задерживайтесь и смотрите ничего не забудьте! – как всегда, напутствовала хозяйка, прежде чем отпустить своих протеже. Девушки послушно кивнули, подхватили плетеные корзины и, подобрав юбки, торопливо пошли в город.

Как же хорошо было хоть на какое-то время улизнуть из-под зоркого ока мадам! Был прекрасный летний день, ласковое солнце сияло на небе. Жанель и Элизабет не снимали чепчиков, а Марта распустила свои красивые волосы, и они тяжелыми волнами упали ей на плечи. Девушки не стали надевать на рынок свою яркую вызывающую одежду, привлекавшую по вечерам клиентов. Их платья и чепчики были скромными, потому что совет запретил им всяческие украшения в общественных местах.

Это относится ко всем открыто предающимся разврату женщинам. Они должны отличаться от порядочных женщин, поэтому им запрещено носить роскошные платья, вуали, кораллы и шитье золотом, а также серебряные украшения.

Шлейфы и длинные плащи также были под запретом. Чтобы не возникало никаких сомнений, шлюхи пришивали к платью желтую ленточку. Таким образом, каждому порядочному бюргеру сразу было понятно, с какой женщиной он имеет дело. Поэтому неудивительно, что большинство встречных бюргеров пристально смотрели на них. И если женщины отступали и перешептывались друг с другом, то мужчины бросали на них похотливые взгляды и выкрикивали вслед сальные шутки. Даже стражники у Плайхахских ворот подмигнули им. Одного из них Элизабет пару раз видела в борделе. Это был неотесанный мужик с красным носом, определенно сломанным прежде. Преградив Марте дорогу, он положил ей руку на талию.

– Поцелуй меня, красавица, иначе я не смогу тебя пропустить.

– Отстань от меня, иначе будешь должен мне два пфеннига, – ответила Марта, однако улыбнулась ему, и ее голос звучал лукаво. Лицо ее сияло, но, когда она отвернулась от него, снова стало угрюмым, как обычно. Превращение было потрясающим.

– Будто солнце внезапно спряталось за темной тучей и его лучи и тепло вдруг исчезли, – тихо сказала Элизабет своей подруге Жанель.

Француженка кивнула.

– Да, для нас у нее в запасе только ругань. Но если речь идет о деле, то в мгновение ока она превращается в благосклонную королеву. Она в любой момент могла бы примкнуть к бродячим артистам и выступить с ними!

Марта нахмурилась, и ее лицо стало еще более мрачным.

– О чем вы там шепчетесь? Снова обо мне сплетничаете?

Жанель покачала головой.

– Нет, мы не сплетничаем, нам бы совесть не позволила. Мы говорим чистую правду! – Она ухмыльнулась так, что можно было увидеть щель между ее зубами.

Марта угрожающе подняла руку, но Жанель спряталась за Элизабет.

– Спасибо, мои щеки достаточно красные!

Марта отвернулась и быстро зашагала вперед, обогнав девушек.

– Мне кажется, что она с каждым днем брызжит все больше, – сказала Жанель, вздохнув. – И чаще дает волю рукам.

Элизабет посмотрела на узкую спину Марты.

– Я знаю ее не так хорошо, как вы, но когда я ее вижу и слышу ругань, мне становится ее жаль.

– Что? – недоверчиво воскликнула Жанель. – Тебе ее жаль? Думаю, она тебе еще недостаточно пощечин надавала или мало прошлась своими когтями по волосам.

– Да нет же, мне кажется, что должна быть причина такого поведения.

– Может быть, все дело в том, что она неблагодарная сварливая шалава? – предположила Жанель.

Элизабет улыбнулась, хотя ей было грустно.

– Нет, что-то мучает ее, и она вымещает на нас свои страхи и боль. За минувшие дни она мало спала.

Жанель не стала спрашивать, откуда это Элизабет известно.

– Как и ты, – тихо добавила француженка. – Ты так и не прижилась у нас.

Элизабет вздохнула.

– Возможно, мне этого не хочется.

Тем временем Марта поравнялась с еврейским кладбищем и остановилась. Подбоченившись, она угрюмо взглянула на своих попутчиц.

– Вы сегодня дойдете? Мамочка сказала, чтобы мы не мешкали.

– Да, только нет причин торопиться, чтобы прийти раньше времени, – возразила Жанель.

– Такой чудесный летний день, – добавила Элизабет.

Однако ее слова тоже не вызвали улыбку на лице Марты. Это удавалось только готовым раскошелиться мужчинам.

Жанель демонстративно отвернулась от Марты, рассматривая строящуюся часовню Святой Марии слева от нее. Здесь планировался большой храм. Тем не менее церковь для жителей Вюрцбурга строилась пятьдесят лет, она должна была вывести тот греховный след, который здесь оставила синагога, – во всяком случае так однажды выразился совет. Сегодня здесь велись лишь незначительные работы, и окруженные строительными лесами стены и арки не привлекали внимания. Да, с тех пор как большие ворота были завершены и зодчие покинули Вюрцбург, строительство продвигалось очень медленно.

Жанель повернулась к наполовину разрушенным домам, расположенным по другую сторону. Порыв ветра принес зловоние от соединяющейся с рекой Кюрнах канавы, в которую выбрасывались отходы.

– Советник, которого я вчера обслуживала, сказал, что все старые еврейские дома должны быть снесены, так чтобы вокруг часовни Святой Марии образовалось свободное

место. Многие евреи больше не живут в городе. Кроме того, епископ продал еврейское кладбище мяснику Венцелю и его супруге Агнес.

Элизабет посмотрела на нее.

– Что? Он просто взял и продал еврейское кладбище? Но зачем? Как он посмел!

Жанель пожала плечами.

– Говорят, епископ задолжал Венцелю девятьсот гульденов и таким образом расплатился. Он закладывает всевозможные деревни, мельницы, таможни, одним словом, все. Почему бы ему не отдать ненужное еврейское кладбище?

– Это неправильно, – не отступалась Элизабет.

– С ними всегда несправедливо поступали, – кивнула Жанель. – Всегда так было. Сначала правители обещали их защитить, а затем использовали по своему усмотрению.

Что-то зашевелилось в сознании Элизабет, в ней проснулась ярость. Она увидела себя, меряющей большими шагами залу. Ее руки энергично жестикулируют, растрепавшиеся волосы падают на лицо. И вдруг она видит его. Его силуэт выходит из тумана. На нем узкие шоссы¹ из шелка и широкая накидка, которая собрана по придворной моде в многочисленные складки на талии ремнем, украшенным золотом. Он поднимает руки и прижимает к ее разгоряченным щекам. Они прохладные, но вспомнить его лицо не удастся. Зато она отчетливо слышит его голос.

– *Моя маленькая вспыльчивая девочка. Ты ангел мести бедных, угнетенных и неправых. В один прекрасный день тебя провозгласят святой и ты будешь сидеть на небе рядом с Богородицей.*

– *Не издевайся, – рассердилась Элизабет. – Это несправедливо!*

– *Возможно, – сказал молодой человек. – Но ты должна понять, что на земле не может быть подходящего для всех рая. Деньги были нужны для похода в Богемию. Император потребовал оружие, лошадей и повозки. Было бы справедливо снова повысить налог для бюргеров Вюрцбурга? Пошлину на вино? Обложить налогом рынки? Или каждый дом? Заложить еще больше деревень и замков и таким образом еще больше повысить для монастыря бремя расходов на выплату процентов? Что справедливо? Я не говорю, что он прозорливый и хороший правитель, но он избранный капитулом епископ и все должны подчиняться его решениям.*

Элизабет посмотрела на своих друзей.

– Да, наш епископ Иоганн фон Брунн тоже не сдержал слово. Он предоставил всем евреям в епископстве свободу действий, но ничего не сделал, когда всего год спустя император Сигизмунд потребовал с каждого еврея по гульдону. А вернувшись из похода против гуситов, велел взять вюрцбургских евреев под стражу, чтобы выжать из них шестьдесят тысяч гульденов! – почти выкрикнула она, опустив руки в изнеможении.

Образ молодого дворянина все еще четко стоял перед глазами. Кто это? Где она его встречала? Как он связан с все чаще повторяющимся кошмаром о каменном коридоре? Имел ли он какое-то отношение к голосам за дверью, которые она не могла узнать, как бы ни старалась?

– Откуда ты это знаешь? – озадаченно спросила Жанель.

Марта уставилась на нее, и на лице у нее появился интерес и некоторое недоверие.

– А я думала, что ты потеряла память и даже не помнишь, кто ты.

Элизабет опустила голову и кивнула.

– Да, это так. Сама не знаю, откуда я это взяла, но уверена, что так и было.

С сияющими глазами Жанель взяла ее под руку.

¹ Длинные чулки, которые крепились к набрюшнику (нижнее белье). Позже вместе с гульфиком они превратились в штаны. (Здесь и далее примеч. ред.)

– Это правда! Так и было. Это действительно хороший знак, что ты начала вспоминать. Скоро ты все вспомнишь!

– Да, возможно, – подавленно ответила Элизабет.

Она вовсе не хотела все вспоминать. Как будто там, за дверью, ее поджидал ужас, и голос шептал ей: *«Однажды ты еще захочешь вернуться в неведение!»*

Внутри города давно ничего не выпекалось, по причине огнеопасности пекарни были перенесены в предместья Хаугер и Занд. Только у пекарни капитула было разрешение в порядке исключения. Девушки купили здесь калач за три пфеннига и две булки.

Как им и было поручено, также они приобрели капусту и лук на овощном рынке, забрали сапоги Эльзы у башмачника, а на Гефнергассе захватили два глиняных кувшина и несколько простых кубков вместо разбитых этой ночью. Жанель не могла удержаться, чтобы не потратить одну из ее немногочисленных монет на булочку с корицей. Она отломил кусок и протянула подруге.

– Спасибо, ты очень добра, но ты не должна тратить на меня достающиеся тебе с таким трудом деньги, – отказалась Элизабет.

Жанель закачала головой так, что ее чепчик сполз.

– Нет, я не должна. Но разве можно их потратить приятнее, чем на сладости, которыми можно поделиться с подругой?

Элизабет на глаза навернулись слезы, когда она взяла выпечку. Жанель откусила кусочек, закрыла глаза и с удовольствием прожевала. Прежде чем откусить второй раз, она бросила взгляд на Марту, которая со скрещенными руками и отрешенным лицом остановилась немного в стороне. Жанель вздохнула, отломил еще кусочек от своей булки и протянула его Марте, но та даже не пошевелилась.

– Оставь себе, – прошипела она. – Мне не нужны твои подачки. Если мне захочется сладкого, у меня самой есть монеты!

Она развернулась и пошла к мясным рядам. Там она купила кости и сало, когда обе девушки ее догнали. Жанель, облизывая липкие пальцы, заметила:

– Наверное, у Бога действительно был не самый удачный день, когда он тебя создал!

Элизабет подумала, что Марта опять начнет ругаться и даст Жанель пощечину, но та на мгновение замерла, ее глаза заблестели.

– Вероятно, так и было, – пробормотала Марта. – Он даже не смотрел, что делает.

Элизабет и Жанель переглянулись. Но прежде чем Элизабет подошла к Марте, та отвернулась и, как обычно, резко бросила:

– Пойдемте уже, наконец, копуши! Мамочка выругает нас всех, и вы в этом будете виноваты!

Она была не так уж неправа. Едва они миновали последние дома, расположенные возле церкви Святой Гертруды, как увидели перед дверью мадам со скрещенными на груди руками.

– В городе невероятно много народу! – крикнула Жанель, еще не поравнявшись с этими крепкими руками.

– Да, невероятно! – повторила мадам и нахмурилась. – Давайте заходите, вы трое. Вы все купили, что я вам поручала?

Девушки, покачивая головой, показали мадам свои корзинки.

– Сколько потратили?

Какую бы сумму они ни назвали, результат был один. Так повторялось каждый раз. Эльза драматично вздохнула, попричитала из-за высоких цен и до последнего пфеннига пересчитала протянутую Мартой сдачу. Девушки уже хотели ускользнуть от нее, как вдруг она недовольно произнесла:

– Не хватает одного пфеннига. Где он?

Хозяйка посмотрела на отдавшую ей деньги Марту. Элизабет и Жанель переглянулись. Когда речь шла о деньгах, Эльза не шутила. Даже из-за одного пфеннига она могла очень разозлиться.

Марта закрыла глаза.

– Откуда мне знать? Что ты на меня смотришь? Я его не брала! Спрашивай остальных.

– Ты неблагодарная наглая стерва! – рассердилась Эльза. – Я тебя кормлю, одеваю, забочусь о том, чтобы у тебя была работа, а ты вот так меня благодаришь!

– Оно и видно. Ты обращаешься с нами как с рабами, продаешь нас и набиваешь свой кошель, и если мы сдохнем, тебе будет все равно.

Мадам жадно хватала ртом воздух, Элизабет и Жанель вжали головы в плечи. Что случилось с Мартой?

– Как ты со мной разговариваешь? – закричала мадам и ударила ее по лицу.

Марта порылась в поясной сумочке и, достав один пфенниг, бросила его к ногам мадам. Забежав в дом, она упала на кровать и с головой укрылась одеялом.

Мадам смотрела ей вслед разинув рот, вид у нее был скорее удивленный, чем рассерженный.

– У нее скоро критические дни. Вот увидите!

На том и порешили. Перед уходом домой Эльза велела Жанель и Элизабет приготовить овощи для супа и поставить котел с костями и травами.

Глава 6

– Марта, завтрак готов!

– Мне не нужно повторять трижды, – фыркнула Марта и перевернулась на другой бок, не снимая одеяла с головы. – Я ничего не хочу. Я не голодна.

Накануне вечером она тоже практически ничего не ела, но Элизабет предпочла не упоминать об этом. Она съела свою кашу и помогла убрать со стола. Когда она ставила миски на полку, Марта еще не вставала с постели. Эльза ушла рано, не сообщив девушкам о своих планах, так как это их не касалось. Она только велела закончить со своими делами до обеда и проследить за тем, чтобы все было в порядке, пока она не вернется.

Элизабет показалось, что одеяло, под которым лежала Марта, дрожит.

– Может, она заболела? – прошептала Жанель. – Тогда понятно, почему она так странно себя вчера вела.

– Да, – кивнула Элизабет. – Мы должны позаботиться о ней до прихода мадам.

Девушки растерялись: они не разбирались в болезнях.

– Если у нее жар, ей нужно сделать кровопускание, – сказала присоединившаяся к ним Грет. – Это всегда помогает – так, по крайней мере, говорит банщик.

Девушки обменялись взглядами. Очевидно, ни одна из них не хотела испытать на себе гнев Марты. В конце концов Элизабет нежно положила руку на одеяло, там, где, по всей видимости, находилась голова.

– Что с тобой? Ты больна? Позвать банщика?

Резким движением Марта отбросила одеяло, ненароком задев Элизабет.

– Убирайтесь, я не больна. Просто оставьте меня в покое!

– Кто изливает столько желчи, тот точно не болен, – съязвила Грет, пожав плечами, и вернулась в постель, чтобы еще немного поспать. У нее была напряженная ночь.

– Что? Что вы так пялитесь? – ругалась Марта.

– Ты не очень хорошо выглядишь, – осторожно сказала приблизившаяся Эстер.

– И это говоришь мне ты! Чтобы выглядеть так же ужасно, как ты, мне еще нужно постараться!

Эстер не подала виду, но Элизабет почувствовала, что она обиделась. Эстер, однако, как всегда, нашла оправдание плохому поведению Марты.

– Ей приходится нелегко. Она вынуждена работать больше всех нас, ведь она самая красивая. Я принесу тебе поесть, – решительно сказала Эстер, насыпала из котелка кашу с луком и яблоками и принесла Марте в постель.

Но вместо того чтобы поблагодарить ее, Марта выбила миску из рук Эстер, и ее стошнило на чистое платье.

Любая из девушек закричала бы на нее, но Эстер вытерла Марте платком рот и уложила ее на подушки, прежде чем убрать неприятную неожиданность.

– Я приготовлю тебе травяной отвар. Мне нужно только переодеть платье.

Марта ничего не сказала. Она свернулась калачиком, прижав лицо к грубой ткани своей длинной рубашки. Девушки, все до единой собравшиеся у кровати Марты, озадаченно переглянулись.

– У нее что-то с желудком, – сказала Анна. – Наверное, каша вчера была прокисшей.

– Или она выпила слишком много вина, – предположила Мара.

– Первый клиент, которого она вчера обслуживала, выглядел нездоровым, – угрюмо добавила Жанель. – Точно, она от него подхватила жар.

– Это все холодный ночной воздух! – не отступалась Эстер. – Всем известно, что он вреден для организма, а она целую вечность была на улице.

Прозвучала еще пара предположений, но никто не решался сказать то, о чем все думали.

– Что бы это значило? – вернувшись, спросила мадам резким тоном.

Девушки молчали, пока Эстер не набралась духу ответить.

– Марта заболела, – сообщила она и указала на постель.

– Неправда, – возразила Марта и отодвинула одеяло. – Я просто не хотела вставать.

Она так быстро вскочила, что чуть было не сбила с ног Эстер. Эстер придержала ее, но Марта, оттолкнув свою защитницу, закричала:

– Оставь меня в покое! Сколько можно повторять: я не больна!

– Подойди сюда к свету, – велела мадам, и когда Марта не послушалась, сразу схватила ее за руку и потащила к открытой двери.

– У тебя критические дни?

Марта замешкалась с ответом, и хозяйка недовольно добавила:

– И не смей мне врать!

– Нет, – тихо прошептала Марта.

Мадам, посчитав на пальцах дни, подытожила:

– Пока еще не страшно. Только непонятно, почему ты выглядишь как смерть.

– Ее еще стошнило, – решила сказать Марта.

– Что?

Мадам встряхнула Марту.

– Сколько раз?

– Несколько. Я не считала, – жалобно призналась Марта.

– Покажи мне свою грудь!

Эльза дала ей пощечину, когда та, защищаясь, скрестила руки на животе, и сорвала с нее рубашку. Она ощупала ее большую грудь и живот и озадаченно покачала головой.

– Не пойму.

Марта быстро шмыгнула в возвращенную рубашку.

– Сколько дней у тебя задержка?

– Не знаю, – тихо прошептала Марта и уставилась на свои босые стопы.

– Должно быть немного, дня четыре, может, пять?

– Наверное, да, – прозвучал на удивление безропотный ответ.

Эльза немного расслабилась. Она подошла к Марте и ласково похлопала ее по руке.

– Сейчас мы все исправим. Я сделаю тебе крепкий отвар, у тебя пойдут месячные, и ты почувствуешь себя лучше. Ты ведь постоянно пользовалась губкой?

Марта кивнула.

– Хорошо, продолжай и дальше. Это хорошее средство, даже если иной раз что-то и происходит.

Она непривычно нежно взяла Марту за руку и отвела к кровати.

– Я сразу возьмусь за дело, а ты скажешь мне, когда пойдет кровь.

Марта еще раз кивнула и снова забралась под одеяло.

– И все же это странно, – бормотала мадам, идя к себе в домик, чтобы приготовить вызывающий месячные отвар.

Она заварила на медленном огне пижму и полынь и добавила немного манжетки. Эльза не была знахаркой и не имела такого большого опыта, как старая повивальная бабка, жившая за церковью Святой Гертруды, но когда губка с уксусом не срабатывала, сама могла прекрасно справиться, чтобы все снова шло привычным чередом и жизнь ее подопечных не подвергалась опасности. Когда отвар немного остыл, она отнесла его Марте в постель и подождала, пока та не выпьет.

– Сегодня вечером можешь остаться в постели. Девочки подвинут ее к стене и поставят ширму. Скажешь мне, когда начнутся спазмы!

Марта молча встала, чтобы ее кровать передвинули, и снова нырнула под одеяло. Весь день она ни с кем не разговаривала и даже не поднималась, чтобы справить нужду. Она игнорировала попытки Эстер уговорить ее поесть или хотя бы выпить вина.

Эльза заходила каждые два часа.

– Еще нет?

Марта молча качала головой. На следующее утро ее еще дважды стошнило, но кровотечение так и не началось.

– Я не понимаю. – Эльза все больше нервничала, и девушки старались не попадаться ей на глаза.

Они выполняли свою работу, веселили клиентов, подбивали их выпить как можно больше вина и пытались удовлетворить их любым способом. С мрачным лицом мадам собирала деньги. Даже звон монет в кошельке не заставил ее в этот вечер улыбнуться.

На следующий день непривычно рано утром мадам уже была у кровати Марты.

– Все еще нет? Значит, мне нужно придумать что-то другое. Я ничего не понимаю!

Марта начала плакать. Остальные смущенно смотрели в сторону.

– Я не хотела, – всхлипывала она.

– Разумеется, ты не хотела, – терпеливо ответила мадам. – И если ты постоянно использовала губку, то тебя не в чем упрекнуть.

– Я снова и снова внушала себе, что все будет хорошо!

– Да, будет, успокойся. Прошло всего несколько дней.

Марта тяжело вздохнула, но ничего не сказала.

Мадам строго посмотрела на нее.

– Это ведь правда? У тебя задержка не больше десяти дней?

Девушка устала в пол. Голос мадам стал жестким.

– Марта, когда у тебя были последние месячные?

– Точно не помню. Я все время думала, что они скоро начнутся.

– Я каждый раз тебя спрашивала, и ты мне говорила, что все в порядке!

Марта завывала.

– Ты обманула меня! – в ужасе закричала Эльза и, схватив Марту за руки, затрясла ее так, что у той задрожали зубы. – Сколько раз у тебя не было критических дней? Говори мне правду, если тебе дорога твоя жизнь!

– Три раза, – прошептала она так тихо, что мадам наклонилась, чтобы расслышать ее. Остальные девушки, внимательно следившие за разговором, недолго оставались в неведении.

– Три раза? Ты спятила? И каждый раз ты лгала мне?

В ответе не было надобности. Громкого плача Марты было достаточно. Мадам сильно ударила ее по лицу, затем, однако, ее гнев утих, и она, погрузившись в свои мысли, начала ходить туда-сюда.

– И что теперь будет? – решила спросить Эстер. – Она будет рожать?

– Не вмешивайтесь и занимайтесь своими делами! – крикнула Эльза. – Конечно же, она не будет рожать. Что за глупые вопросы? Тебе не стоит так разочарованно смотреть!

Все быстро отвернулись и сделали вид, что их абсолютно не интересует, что происходит.

– Оставайся в постели, – велела мадам Марте. – Я что-нибудь придумаю.

Нахмурившись, она ходила туда-сюда, затем вышла из дома, но не без того, чтобы не дать девушкам четкие распоряжения. Могло пройти много времени, прежде чем она вер-

нется. Она назначила Эстер ответственной и поручила ей собирать монеты. Мадам пригрозила, что проверит каждый пфенниг, и быстро ушла.

На лице Эстер появилось выражение ужаса.

– Пресвятая Дева, надеюсь, сегодня будет не очень много клиентов. Я не умею считать. – Она умоляюще посмотрела на девушек, и ее взгляд остановился на Элизабет. – Ты умеешь считать! Я помню, как ты читала долговые листки и складывала числа! – В ее голосе послышался восторг. – Ты не могла бы?..

Элизабет положила руку на плечо Эстер.

– Конечно же, я тебе помогу и прослежу, чтобы никто тебя не обманул и правильно заплатил за вино, сыр и хлеб и за... ну за то, за что еще мужчины платят деньги. – Она почувствовала, как покраснела.

– Ты так добра, – с нежностью улыбнулась Эстер. – И до сих пор еще так наивна. Тебе здесь не место!

Элизабет грустно посмотрела на нее, но ничего не сказала. Нет, ей здесь было не место. У нее была другая жизнь, из которой кто-то или что-то выдернуло ее. Но какие у нее шансы вернуться в прежнюю жизнь? После того как она провела несколько месяцев в борделе и все делила с шлюхами? Если она была откровенна сама с собой – а это было слишком больно, – ей приходилось признать, что надежды больше нет, даже если в один прекрасный день она все вспомнит. Законы общества были понятны и суровы. Тот, кто однажды согрешил, вынужден остаться в своем болоте. Жители города больше не принимают таких людей в свои ряды!

Появление первых гостей отвлекло ее от размышлений, и она была этому очень рада. Эстер поприветствовала клиентов, как ей и велела мадам, предложила им хорошего вина и еды и спросила, не желают ли они еще чего-нибудь. Городской советник Шлунт выбрал Грет и пошел с ней за ширму. Нет, для кувшина вина у него не было времени. Позже ему еще нужно было посоветоваться с коллегами.

Мясник Медер выбрал Элизабет, но перед этим предпочел выпить сладкого вина и предложил ей присоединиться. В отличие от многих товарищей по цеху, это был высокий худой мужчина с редкими волосами и небритыми щеками. Элизабет постаралась улыбнуться и присела к нему. Ее сердце неровно билось, и в желудке появлялась легкая волна тошноты от прикосновений и объятий клиентов. Но ей удавалось сохранять равнодушное лицо и даже иногда улыбаться, когда они усаживали ее себе на колени и лапали за грудь. Болтая, она пила вино, ожидая, пока он созреет, затем повела его к соломенному матрасу. К счастью, у него не было особенных пожеланий. Ему было достаточно, что Элизабет подняла платье и легла на кровать, расставив ноги. Довольно пробормотав что-то, он лег сверху и вошел в нее. Ему понадобилось немного времени, чтобы получить удовольствие. Чмокнув шлюху в губы, Медер поднялся, натянул свои узкие штаны и застегнул камзол. Элизабет вытерла платком его липкое наследие, прежде чем расправить платье и проводить мясника к Эстер, чтобы проверить, правильное ли количество монет он отсчитает из своего кошелька. Медер пытался сэкономить два пфеннига на вине, но Элизабет твердо стояла на своем.

– Вы настоящие ученицы мадам, – рассердился он.

Элизабет улыбнулась ему.

– Да, потому что мы должны перед ней отчитаться.

На его худом лице появилось что-то вроде понимания. На прощание он ласково похлопал Элизабет по щеке.

– Правильно, детка. За все в жизни надо платить. – Его рука уже было протянулась к Эстер, чтобы и с ней таким же образом попрощаться, но его взгляд остановился на ее шрамах и он опустил руку.

– Ну ладно, скоро увидимся, – сказал он немного смущенно и поспешил уйти.

Было достаточно поздно, когда мадам вернулась домой со свертком под мышкой. Первым делом она велела Эстер отчитаться, что в ее отсутствие произошло, и пересчитала деньги. Элизабет подтвердила, что все в порядке, и мадам довольно кивнула. Окинув взглядом немногочисленных гостей, она повела Элизабет к себе домой. Разведя огонь, Эльза развернула принесенный сверток. Элизабет распознала два пучка петрушки и несколько веточек болотной мяты.

– А это что? – спросила она, указывая на растение с маленькими желтыми цветочками.

– Рута, – жестко ответила мадам. – Там, откуда родом Жанель, она растет как дикая трава и ее называют *herbe a la belle fille* – трава прекрасных девушек. Здесь ее можно найти только в монастырском саду. Она помогает также при глазных болезнях и от глистов. Переступень придаст отвару отвратительный вкус, но он и не должен быть медом для Марты, правда?

Мадам велела Элизабет мелко нарезать травы и корешки, пока она подложит дров в очаг и поставит котел.

– Отвар ей поможет? – спросила Элизабет. Ей в нос ударил запах трав.

– Он должен спровоцировать выкидыш, и надеюсь, что это не будет стоить жизни Марте.

– Это смертельный грех, – пробормотала Элизабет, но так тихо, что мадам не услышала.

Девушка начала молиться за Марту. Красивая шлюха часто была неприветлива и плохо относилась к Элизабет, но все равно не заслуживала такой смерти. Ни одна женщина не заслуживает такой участи! Святая Агнес, оберегающая девственниц и их целомудрие, не помогла бы в нужде падшей женщине. Святая Доротея, помогающая роженицам, также не одобрила бы этот поступок. Может быть, Женестьева? Она была покровительницей всех женщин, и, кроме того, к ней обращались с просьбой защитить от войны, эпидемии и всяких несчастий. А то, что случилось с Мартой, было несчастьем! В результате она выбрала чудотворицу Маргарету и покровительницу женщин святую Клотильду. Элизабет вздохнула. Можно ли вообще в такой ситуации взывать к святым, чтобы они пощадили жизнь Марты и забрали к себе только крошечный зародыш? Она представить себе не могла, что одна из этих святых проявит понимание к ситуации Марты и согласится с этим ужасным грехом.

– Это не вина Марты, – сказала она решительно и придавила переступень ножом.

– Ты справилась? – прервала ее мысли Эльза. – Уже поздно и клиентам скоро нужно собираться домой.

Элизабет молча кивнула. Налив полную кружку отвара и предварительно остудив, Элизабет отнесла его больной. Марта противилась и ругалась из-за отвратительного вкуса, однако выпила все до последней капли. Элизабет показалось, что она увидела страх в ее глазах, когда забирала у нее пустую кружку.

– Все будет хорошо, – сказала она утешительно, взяв Марту за руки. – Я молилась за тебя.

Прошипев что-то, Марта вырвала руки.

– Прибереги свои лживые заверения для других. Я прекрасно знаю: вы тайком злорадуетесь, что это случилось именно со мной. Вы не можете дождаться, когда наконец избавитесь от меня. Тогда ты будешь здесь самой красивой и все мужчины будут смотреть только на тебя.

Элизабет покачала головой.

– Ах, Марта, надеюсь, ты понимаешь, что это бред. Никто не хочет от тебя избавиться – и я предпочла бы что угодно, только бы мужчины не глазели на меня и не лапали.

Марта отвернулась, ничего не ответив.

Весь следующий день девушки провели у постели Марты, украдкой наблюдая за ней. Действует ли отвар? То, что в ее организме что-то происходит, стало понятно еще ночью. Ее тошнило чаще, чем прежде, и внутренности громко протестовали. Марта крепко уцепилась за ведро возле кровати, пока ее кишки разгружались. Этот запах невозможно было вынести, но, несмотря на ругань и угрозы мадам, Марта была не в состоянии пойти к яме за домом. С мрачным выражением лица мадам велела постелить Марте в ее доме и оставаться там, пока не уйдет последний клиент.

– Если ты спугнешь клиентов, запишу это в твой список долгов, – бранилась она.

Марта плакала. Девушки пытались перебить запах свежими травами. В виде исключения мадам разрешила не закрывать ночью дверь. Хотя Эстер причитала, что холодный ночной воздух им повредит, все остальные были за то, чтобы оставить дверь открытой.

На следующий день ничего не изменилось. Крови все еще не было. И хотя организм Марты судорожно сжимался и отказывался принимать пищу, он не был готов отпустить плод. Мадам ходила с перекошенным лицом, а девушки, потупив взгляд, старались избегать ее. Тому, кто обращался к ней или становился у нее на пути, было несдобровать! В эти дни Эльза слабо контролировала свою тяжелую руку. На четвертый день она еще раз отлучилась и вернулась с маленькой бутылочкой, источавшей неприятный запах.

– Что это? – тихо спросила Марта. Девушки навестили уши.

– Это масло можжевельника, – злобно ответила мадам. Она накапала четыре капли в вино. – Вот, выпей. Я купила его у человека, который в этом разбирается, чтобы избежать ненужного риска. Оно дорогое, но свое дело сделает!

– Спасибо, мамочка. – Марта выпила вино и опустилась на подушки.

Эффект не заставил себя долго ждать. Марта схватилась руками за живот и закричала, корчась в судорогах, а по ее ногам потекла кровь. Она выпрямилась, но ее тело продолжало трястись. Эстер не отходила от нее, вытирая кровь и рвотные массы и спокойно реагируя на ее крики. К вечеру они утихли. Марту то бросало в жар, то ее тело покрывалось холодным потом. Она бредила, и казалось, что больше никого не узнает.

– Может, кровотечение уже должно прекратиться? – робко спросила Эстер, стиравшая в ведре целую гору окровавленных тряпок.

– Она вся горит, – сказала Элизабет, пощупав лоб Марты, и обеспокоенно окинула ее взглядом с головы до ног. Девушки беспомощно сгрудились у постели.

– Она умрет, – прошептала Анна, и слезы потекли по ее щекам.

– Чепуха! – возразила подошедшая мадам, однако ее голосу не хватало былой убедительности. Приподняв одеяло, она быстро опустила его назад.

– Что здесь происходит?

Услышав мужской голос, девушки обернулись. Никто не заметил, как вошел палач. Тяжелыми шагами он приблизился к кровати, перед которой девушки выстроились, образовав защитную стену.

– Что здесь происходит? – переспросил палач.

– Абсолютно ничего! – ответила мадам непривычно высоким голосом.

– Эльза, не ври мне! Девушки, разойдитесь!

Шлюхи не решились послушаться палача и, расступившись, дали ему увидеть смертельно бледную содрогающуюся Марту. Мейстер Тюрнер внимательно посмотрел на нее, прежде чем опустить одеяло. Казалось, ничего не скрылось от его пронизательных голубых глаз. Палач сурово посмотрел на мадам.

– Ну, Эльза, ты не хочешь объяснить мне, что это все значит?

– Больная шлюха, – пожала плечами хозяйка борделя. – Это не стоит поднятого тобой шума. Так что уходи и дай мне заняться своим делом.

Седые брови палача приподнялись, в его взгляде было столько холода, что Элизабет невольно попятилась. Мадам восхитилась ее тем, что не потупила взгляд и спина ее осталась ровной.

– Очевидно, ты уже достаточно поработала, – саркастически произнес Тюрнер, указывая на гору окровавленных тряпок. – Ты хочешь оказаться в одной из моих башен? Молись, чтобы Марта не умерла! Я могу предъявить тебе обвинение в совете.

Эльза побелела, но держалась ровно. С каждой минутой ее морщинистое лицо казалось все старше.

– Ты ничего не сможешь доказать. Если она что-то приняла, то это только ее решение.

– Ну да, – фыркнул палач. – А ты старалась спасти ей жизнь и восстановить здоровье?

– Совершенно верно!

Они обменялись лютыми взглядами.

– Прекрасно, тогда в твоих интересах сделать все возможное, чтобы твоя протезе как можно скорее встала на ноги.

Тюрнер собрался уходить, но мадам его остановила:

– Что ты намерен делать?

– Помочь тебе. Хотя я немного понимаю в переломах и ранениях, но не настолько, чтобы быть полезным в этой ситуации. Но я знаю человека, который может помочь, и я тебе его сейчас пришлю.

Эльза сдулась, будто проколотый иглой пузырь.

Элизабет вопросительно посмотрела на Жанель, но та лишь пожала плечами. Ни одна шлюха не решилась спросить мадам, кого пришлет палач.

Ждать им пришлось недолго. Спустя час палач вернулся со старушкой, которая сначала рядом с ним показалась ребенком. Но когда она вышла на свет лампы, девушки увидели, что она на голову ниже их мадам и, вероятно, раза в два старше. Ее кожа напоминала мятую бумагу, а темные глаза были глубоко посажены.

Вытянув руку из-под накидки, старуха махнула перед лицом мадам.

– Что ты опять натворила? – прошепелявила она своим беззубым ртом.

Элизабет видела, какого труда стоило хозяйке хранить спокойствие. Взглянув на палача, стоящего у двери, скрестив руки, она тихо сказала:

– Это было всего четыре капли масла можжевельника.

– Четыре капли? – переспросила старуха громче, будто это было приятно мадам. – Пять, наверное, сразу бы ее убили, а шестью ты смогла бы убить вон ту толстуху.

– Я не говорила, что это я их дала, – отрицала мадам, однако маленькая сморщенная старушонка презрительно махнула рукой.

– Это меня не интересует. Вы живете в смертном грехе, и плод в ваших чревах – это плод дьявола. Делайте со своими душами, что хотите, меня это уже давно не интересует.

– Но вы ей поможете? Гертруда, пожалуйста! – выпалила грызшая свои ногти Эстер.

Старушонка пристально посмотрела на обезображенное шрамами лицо, и нечто вроде нежной улыбки скользнуло по ее морщинистому лицу. Указательным пальцем она провела по шрамам даже не вздрогнувшей Эстер.

– Ты помнишь мое имя.

– Вы меня спасли, – пробормотала Эстер.

Старуха кивнула.

– Но мне не удалось убрать эти отметины.

Эстер не стала продолжать тему.

– Вы сможете помочь Марте? Это не ее вина!

Старуха покачала головой. Сбросив одеяло с Марты, она провела длинными ногтями по коже, натянутой поверх отчетливо выступающих ребер.

– Мы сегодня не будем говорить о ее вине или невиновности. Я хочу посмотреть, что я смогу сделать. Но ничего не обещаю. Она очень слаба, ее сердце бьется, как у загнанного зайца. Спросите меня об этом завтра, а сейчас уходите и не заглядывайте мне через плечо. Терпеть этого не могу! И не смейте в моем присутствии заниматься своим греховным делом!

Повесив головы, девушки ушли. Эльза сглотнула и дрожащим голосом пообещала, что сегодня, в святой воскресный день, ни один клиент не зайдет в их дом. Сжав кулаки, она последовала за девушками.

– Кто это? – поинтересовалась Жанель, когда они присели у еврейского кладбища.

Все уставились на Эстер, которая, однако, избегала встречаться с ними взглядом.

– Хорошая повивальная бабка, – ответила Элизабет, даже не успев подумать.

– Да, – подтвердила Грет и удивленно уставилась на Элизабет. – Долгие годы она была первой повивальной бабкой Вюрцбурга, но уже давно не работает. Однако ее часто зовут при сложных родах: когда должны родиться близнецы или ребенок лежит неправильно. Откуда тебе это известно?

Элизабет пожала плечами.

– Я поняла это по ее словам. Должно быть, она проклинает нас и нашу работу, если ее задача состоит в том, чтобы помогать роженицам и детям.

– Но это не дает ей права так вести себя с нами, – возразила Жанель.

Грет согласно кивнула.

– Как ты думаешь, сколько женщин и девушек подверглись бы насилию, если бы нас не было? Ты думаешь, мужчины спокойно ждали бы, когда им можно будет спать со своей супругой, потому что у нее как раз критические дни? А роженицам мы вообще дарим так необходимый в первые недели после рождения ребенка покой.

– А неженатые мужчины, – добавила Мара, – принесли бы несчастье многим порядочным девушкам.

– Значит, мы берем на себя несчастье других, – подытожила Анна и довольно улыбнулась. – И за это получаем деньги.

Элизабет задумалась. Может быть, девушки правы? Шлюхи нужны, так как мужчины слишком слабы, чтобы подавлять свою страсть, и слишком сильны, чтобы женщины могли оказать им сопротивление? Возможно, другие женщины вынуждены были бы терпеть еще больше насилия и унижения. И несмотря на это мужчина является вершиной творения Господа. А как же женщина? Соратница мужчины?

– О чем ты думаешь? – спросила Жанель, обняв Элизабет. Та попыталась объяснить французенке ход своих мыслей и уже было подумала, что попытка ей не удалась, когда Жанель после долгого молчания заговорила:

– Я сама не раз задавалась вопросом: а может, Бог с самого начала питал к нам, женщинам, злобу еще до проявления непокорности Евы. Но знаешь, когда Святая Дева возшла на небо, чтобы просить за нас всех, было слишком поздно. Мир был уже создан и заселен, и женщины в течение нескольких поколений страдали от похоти и насилия мужчин.

– Ты считаешь, что она попыталась выступить в нашу защиту? – Элизабет не могла понять, весело ей или грустно. Какой странный разговор, священнослужители оценили бы его как богохульство.

– Да, я так думаю, – сказала Жанель торжественно. – А как бы иначе я каждый вечер молилась ей и верила в то, что она уготовила для нас другую жизнь – пусть даже под своим покровительством на небесах?

Глава 7

Прошло четыре недели, прежде чем Марта полностью поправилась. Почти три дня она была без сознания и корчилась в судорогах, но старая повивальная бабка не прекращала поить больную травяными отварами, пока не прекратилась рвота. О кровопускании, которое всегда делал банщик в такой ситуации, она была невысокого мнения.

— Какая еще плохая кровь осталась в этом истощенном организме? — причитала она. — Если здесь и есть что-то плохое, то это душа! А ее я вряд ли смогу достать так, чтобы оставить Марту в живых.

— У нее не плохая душа! — возразила Элизабет.

— Вот как? В таком случае ей следует покаяться, когда она придет в себя, и впредь больше не грешить! — фыркнула старуха. Но к Марте в ходе лечения она относилась заботливо и нежно.

— Как она это сделает?

— А разве Бог не наградил нас свободной волей, чтобы мы отличались от животных?

— Так это Бог, а епископ и совет не дают нам возможности измениться и другим путем зарабатывать деньги, чтобы нас приняли люди, считающие себя порядочными, — стиснув зубы, ответила Элизабет.

Темные глаза старухи загорелись.

— Такая удивительно светлая душа в этом приюте греха. Откуда ты, девочка?

— Не знаю.

— Ты не знаешь? Как это? — нахмурила и без того изборозженный морщинами лоб Гертруда.

— Меня нашли и принесли сюда, но я не могу вспомнить, где я раньше жила и кем была.

Старуха взяла Элизабет за руку своими кривыми пальцами и повела ее на дневной свет, падавший в открытую дверь.

— Давай-ка посмотрим. Ты мне кого-то напоминаешь... но нет, это невозможно.

Гертруда вернулась к постели Марты, теперь Элизабет взяла ее за руку.

— Кого я тебе напоминаю? — настаивала она. — Ты знаешь столько людей, тебе известны все семьи Вюрцбурга и предместий. Моя семья, должно быть, ищет меня. Ты ничего не слышала?

Старуха энергично покачала головой.

— Каждый день пропадают люди. Молодежь собирается и уходит отсюда, чтобы найти счастье в другом месте. Глупцы! Но на твой вопрос я отвечу: нет! Я не знаю никого в городе, кто мог бы тебя искать.

Элизабет поникла, на глаза ей навернулись слезы.

— Не грусти. Ты сама сказала: епископ и совет запрещают вам покидать непотребный дом, если вы однажды перешагнули его порог. Какой тебе толк с того, что ты будешь знать свое происхождение? Тебе не станет от этого легче! А теперь помоги мне. Давай посмотрим, прекратилось ли кровотечение.

Элизабет сделала, как ей велели, размышляя о том, что от неведения ей тоже не легче. Как знание может причинить вред?

На следующий день Марта наконец пришла в себя. Она слегка улыбнулась и была еще не в состоянии ругаться. Жанель восприняла это как плохой знак и пророчила, что девушка не поправится. Однако с каждым днем к ней возвращались сила и красноречие. Гертруда приходила каждый день и, ссорясь с мадам, поила Марту своими травами.

Когда спустя два дня Марта накричала на Анну, обозвав ее жирной коровой, та лишь улыбнулась и рассказала всем, что Марта скоро поправится. Эстер всплакнула от облегчения, остальные держались спокойнее, хотя, несомненно, были рады, что она выздоравливает.

– Мне запомнится время без ее острого языка, – сказала Грет.

– Может, угроза смерти сделала ее более доброжелательной, – заметила Эстер.

– Ты в это веришь? – вмешалась Жанель. – В таком случае ты непроходимая тупица!

– Вы все такие жестокие, – пожаловалась Эстер.

Грет скорчила рожу и положила руку ей на плечо.

– Да, а ты слишком добрая и слишком нежная!

– Добрая кроткая овечка, – закудаhtала Жанель и чмокнула ее в обезображенную щеку.

Жарким летним вечером Марта снова вернулась к клиентам, и с лица мадам наконец исчезло беспокойство. Девушки выдохнули с облегчением, ведь настроение мадам в минувшие недели было непредсказуемым. Возможно, вернувшаяся гармония была связана еще и с тем фактом, что Гертруда больше не появлялась и палач не собирался доносить о нарушении в совет. Итак, все вернулось на свои места, и девушки делали все возможное, чтобы угодить клиентам и соблазнить их выпить как можно больше дорогого вина.

– Лиза, советник жаждет именно тебя. Поторопись!

Жанель зашнуровала ей корсет немного туже, и Элизабет, виляя бедрами, направилась к одиноко сидевшему у края стола мужчине. Он не принимал участие в игре в кости, которая проходила между пекарем Экеном, незнакомцем грозного вида и торговцем Вильгельмом Мором. Грет забралась на пекаря и пыталась его возбудить, в то время как Анна была занята незнакомцем. Богатый торговец, как и прежде, настаивал на компании двух девушек и выбрал Марту и Жанель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.